

Екатерина Курдакова

СТЕПАН И СТЕПАНИДА

Сегодня, в первый день работы после недельного отсутствия из-за гриппа, Степан Григорьевич Лучников обнаружил, что в редакторском кабинете книжного издательства он один. Ещё с порога, не раздевшись, он заметил прислонённую к оконному стеклу картонку с шутливой запиской от коллег-редакторов: «Все ушли на фронт – спасать капусту в овощехранилище. Умрём, но не сдадимся – считайте коммунистами!»

Из приёмной доносился ровный профессиональный стрёкот машинки секретарши Надежды Петровны. Надежда Петровна – старейший работник редакции: сменился не один состав, не один главный редактор, а она по-прежнему приходит раньше всех, поправляет перед зеркалом крашенные хной волосы, наливает свежую воду в графин для Палыча – главного редактора издательства, потом поливает пышный куст цветущей благодарной герани и садится за свой стол.

Был конец ноября 1985 года, а 20 декабря Степану Григорьевичу исполняется пятьдесят лет – юбилей, и что-то с этим надо делать. Итого в запасе чуть меньше месяца. Не любил он своего дня рождения из-за суеты, из года в год показного внимания к собственной персоне: до сих пор не понимал, как себя вести, как отвечать на всякие бессмысленные пожелания и пустопорожние парадные речи. К своей особе Степан Григорьевич был крайне самокритичен, ведь он как никто другой знал свои мысли и поступки, да и цену себе тоже преотлично.

Степан Григорьевич в задумчивости походил по кабинету, выглянул в окно, отметив признаки близкой зимы и холодов: оголённые берёзы и клёны сиротливо стыли в ранних сумерках. В ветвях дерева радостно трепетал розовый, слегка обмякший воздушный шарик, напоминающий о прошедшей ноябрьской демонстрации. Степан Григорьевич подошёл к зеркалу, провёл рукой по волосам: молоджавый, худощавый мужчина, средних лет, интеллигентного вида, всегда хорошо и модно одетый. Его руки мало походили на мужские – небольшие, хорошей формы кисти, с мягкими ладонями, с аккуратно подстриженными ногтями. Эти руки не знали мужской работы, не имели малейших навыков какого-либо созидательного мастерства, физического усилия.

Внешне, во времени, Степан Григорьевич менялся не спеша, неприметно. Он был блондином от природы, и в этом возрасте волосы его приобрели благородный пепельный цвет, стали мягки и теперь мало доставляли ему хлопот. Кучерявый

с рождения, он всегда боролся с этим природным даром, нося по молодости короткие стрижки. С его светлыми волосами странно не сочетались тёмные брови и густые ресницы, делая светло-серые глаза удивительно красивыми – прозрачными и бархатными. Этим дивным сочетанием он был обязан маме Степаниде Васильевне и, в конечном итоге, матушке-природе. Во все времена его глаза привлекали внимание женщин, делали неотразимо-загадочным без всякого на то усилия с его стороны.

На работе Степана Григорьевича считали довольно странным: необщительным, замкнутым, не принимающим участия в обсуждении кинофильмов, телепередач, незатейливых житейских ситуаций и, конечно, женщин – попросту баб, где мужики во всех случаях оказывались «на высоте». Только иногда Степан Григорьевич заливисто хохотал от ядрёного анекдота – и это тоже казалось странным. Он не участвовал в коллективном обсуждении авторов, приходящих со своими произведениями в объёмистых портфелях или в целлофановых пакетах – задиристых, самоуверенных, застенчивых и глуповатых от волнения. В общем, во всём, что приносило разнообразие в сидячий образ жизни редакторов.

Частенько в кабинете распивалось спиртное – благо, что для этого причин было предостаточно – пишущая братия, желая расположить к себе редакторов, чтобы хоть как-то иметь надежду напечататься, частенько вместе с рукописями приносила и горячительное. Степан Григорьевич принимал участие в застольях с нескрываемым удовольствием. Незаметный в обществе и заметный в компании из-за своеобразной внешности и поведения, выпив, он становился на время разговорчив, проявляя скрытое до этого остроумие в пересказе комических ситуаций, происходящих в их отделе, как бы не увиденных в своё время коллегами. Искрящийся юмор с блеском интеллекта делали его приятным собеседником. В определённое время, вернее, в определённом состоянии Степан Григорьевич замолкал, раковина отшельника захлопывалась, и он молча, не глядя на сотрапезников, спешил на выход. Свой большой жёлтый портфель он никогда, ни при каких обстоятельствах не забывал в отделе.

Иногда, после особо «крутых посиделок», Степан Григорьевич пропадал на несколько дней, оформляя прогулы отпуском без содержания, из чего коллеги резонно сделали вывод о его некоторой зависимости от «зелёного змия». Сам Степан Григорьевич не обсуждал причин своего отсутствия.

Он ничего не рассказывал о своих близких, о жизненных ситуациях, в которые ему приходилось попадать. Часто задумывался, можно сказать – отключался от действительности, не слыша товарищей, не отвечая на заданные вопросы, и тогда они молча переглядывались, а кое-кто крутил пальцем у виска. Было что-то женское, меланхоличное в его задумчивости, о чём Степан Григорьевич сам не догадывался. Чаще всего в такое время он смотрел в окно, подперев голову ладонью. Что-то вздрагивало в его лице, и тогда он торопливо доставал из портфеля толстую амбарную книгу в твёрдом переплёте и что-то торопливо записывал. В течение всего времени работы в издательстве, а работал Степан Григорьевич уже шесть лет, таинственная книга вызывала большой интерес и любопытство коллег, однако никому не удавалось заглянуть в неё. После очередной записи она убиралась до следующего «затмения» в глубокое чрево портфеля.

Степан Григорьевич звёзд с неба не хватал, но свою работу делал достаточно профессионально, и отредактированные рукописи всегда сдавал в срок и без

нареканий. С авторами находил общий язык и, делая необходимые исправления в рукописях, был объективен в исправлениях и не наживал недругов. Коллегам казалось, что он живёт в каком-то другом мире, в другом измерении, куда им был заказан вход. «В тихом омуте черти водятся», – не раз шептали за его спиной. Они видели Степана Григорьевича с женой Верой и шестилетней дочкой Светланой. Выглядела жена лет на пятнадцать моложе супруга, казалась всем скромной и спокойной женщиной. Никто не догадывался, что Вера была третьей женой Степана Григорьевича, и этот брак не был столь безупречен и надёжен, как казался всем.

Степан Григорьевич женился на Вере незадолго до работы в книжном издательстве. Как ни странно, жёны его выбирали сами (за исключением Веры) и уходили от него по собственной инициативе, задерживаясь ненадолго. Ладно ещё, что детей не вздумали рожать, как-то догадались не делать лишних проблем себе и ему. Холодный был Степан Григорьевич, слова доброго от него не дождёшься, не то что ласки. А без этого как в семье жить?

Степан Григорьевич не сказать чтобы сильно переживал о неумении устроить семейную жизнь, но задумывался: и чего им надо? – сами виноваты, не могут семейный очаг возжечь и поддерживать в нём огонь. Ему как-то не приходило в голову, что очаг сначала надо сложить и желательно вдвоём, а уж потом всё остальное.

Впервые он увидел Веру издалека, в сквере на скамейке в окружении детсадовской группы. Внешне обыкновенная, сероглазая, со светло-русыми волосами, завязанными на затылке хвостом, без яркого макияжа, а возможно, и вообще без него. Так, серая птичка, воробышек, можно пройти и не заметить. Было жарко, и она в тени, недалеко от фонтана, читала вслух детскую книжку с яркими картинками. Прочитав страницу, Вера показывала детям яркую иллюстрацию, и дети наперебой тыкали пальцы в книгу и бойко обсуждали картинку. Подойдя ближе, он встретился с ней глазами, и она первая опустила взгляд, румянец выступил на щеках, как у девчонки. «Надо же, целомудренна до сих пор», – по-мужички точно определил Степан, и не ошибся.

Вера в свои двадцать шесть не могла похвастать какими-то серьёзными отношениями, вроде бы и не дурнушка, а вот... Может быть, причина в том, что после педучилища работала в детском садике, а там какое общение? – родители и их дети. Да и в педучилище – одни девчонки. Только вот многие её сокурсницы уже обзавелись семьями и детьми, а ей до сих пор не везёт.

И ещё тем же летом были встречи в скверике, и также встречались глазами, и что-то пробегало между ними, и всё это заставило Степана задуматься о неслучайности этих встреч. Однажды, ближе к осени, они столкнулись в продуктовом магазине. Степан взял сумку с покупками и проводил Веру домой. Она тогда жила у своей тёти. После этого стали встречаться часто, а к Новому году поженились.

И в этом браке Степан не изменил своей натуре, всё было по-прежнему: молодая жена не разбудила холодно дремавшую душу мужа, затаённое проживание с самим собой. Семейный очаг Вера сложила сама, как смогла, и старательно поддерживала в нём не очень яркий огонь.

Степан Григорьевич бывал, мягко говоря, странен: не допускал душевной близости с родными, частенько замыкался, казался отстранённо-задумчив и не-

доступен. С единственной дочкой у него не было близких отцовских отношений, Светка даже побаивалась строгого отца и любила ласковую и добрую маму.

Любовь жены Степан Григорьевич принимал как разумеющееся, позволяя себя любить и, наверное, и женился, потому что та была покладиста, не посягала на его душу и внутреннюю свободу, а ещё она была воспитательницей в детском саду, как когда-то и его мать – Степанида, что тоже было немаловажно... Белобрыса Светка росла рядом с матерью, не расставаясь с нею даже в садике, и это было удобно для всех. Светкой звал её отец, а для матери она была Светочка – милая веточка.

Вера постоянно чего-то ждала, заглядывала внимательно в глаза мужа, надеялась, что когда-нибудь пройдёт эта замороженность, эта внутренняя непроходящая напряжённость, какая-то невидимая постоянная работа души, и тогда она узнает до конца живущего рядом с ней человека. Да, он выпивал, и достаточно часто, но кто же не пьёт? И хотя Степан, выпив, спешил домой и сразу ложился спать, она боялась его в таком состоянии. Родителей Вера потеряла давно: израненный на войне отец после победы прожил недолго, и мать после его смерти как-то затосковала и зачахла...

Да и бежать с не очень надёжного семейного корабля было особо некуда. Не считая престарелой и больной тётки – старшей сестры матери, у Веры никого не было, надо было приспособливаться к такой жизни. Тем более, что у них была хорошая двухкомнатная квартира в престижном районе города, её Степан получил, работая редактором газеты.

До издательства Степан Григорьевич сменил несколько редакций, работал журналистом, замредактора и главным редактором газеты. Но такая работа была слишком беспокойна, суетлива и ответственна и не оставляла свободного времени на постоянную, тщательно скрываемую работу души.

* * *

В квартире Лучниковых одна из комнат – Светкина детская, небольшая, с окном на солнечную сторону, с небольшим письменным столом, предполагалось, что дочка подрастёт и будет за ним учить уроки. Пока же Светка за столом играла в куклы, листала книжки, лепила из пластилина неведомых зверушек, называемых динозавриками. Был небольшой стенной шкаф с детскими книжками и игрушками. Спала она на подростковом диванчике, который иногда раскладывался, давая место матери. Светка знала, что спала мама с ней в двух случаях – когда папа немного выпьет, и когда папа работает ночью в родительской комнате. Сегодня был именно такой день – папа работал в своей комнате.

После ужина, пройдя в свою комнату, Степан Григорьевич закрыл дверь на задвижку, легко вздохнул и стал Степаном или просто Стёпушкой, как звала его в детстве мама. Здесь и сейчас он наконец-то был дома и мог расслабиться, быть собой – маминым сыном.

Степан достал из портфеля заветную амбарную книгу – рукотворную книгу восстановленной памяти, книгу забытого детства – короткой памяти о родителях. Более сорока лет назад, тяжело переболев, сгорела напрочь в высокой смертельной температуре память детских лет, начало его жизни, столь важное для последующей взрослой жизни. Он долго чувствовал себя растением с оторванными корнями, помещённым в стакан с водой. Вроде бы и корни отпустил, и живёшь, а что-то

не так... Прошлое являлось ему в виде отдельных обрывков снов, не связанных между собой последовательностью событий. Оно являлось хаотично и неожиданно во сне, или, как ни странно, – в хмельном, горячечном бреду. И это состояние было желанно и ожидаемо, ведь тогда он мог встретиться со своими молодыми, почти что живыми родителями. И это было чудо, и им нельзя было поделиться ни с кем – его могли бы посчитать ненормальным. Этими фантастическими снами-встречами Степан – Стёпушка мог поделиться только со своей амбарной книгой, которая при определённых обстоятельствах и удаче могла состояться и быть вполне осязаемой читабельной книгой.

Книга была разделена на две равные части: чистовую – в начале, и черновую – во второй половине. Запись в книгу велась в два этапа: сначала записывался сам сон (во второй половине книги) – чтобы не забыть. Затем осмысленный в течение нескольких дней, обработанный, очищенный от ненужных повторов и хлама, видение вставлялось в основной текст, в соответствующее место во времени и последовательности событий в жизни. Эта не проходящая никогда рассудочная работа напоминала детскую игру в пазлы, когда пришедший из небытия лоскуток события из его прошлого нужно вставить в изорванную ткань забытой жизни, и края сошлись бы, срослись, не оставляя зазоров. Условно будущая книга называлась «Степан и Степанида», и вот набросок одной из первых глав.

* * *

Документально Степан был сиротой с шестилетнего возраста. Но мальчик считал себя сиротой от рождения, когда он после тяжёлой болезни потерял память (об этом позже) и забыл всё родное, что необходимо знать каждому живущему: когда родился, кто его родители, где город улица и дом – начало жизни. Потерянную мать заменили многочисленные, часто меняющиеся женщины – молодые и не очень врачи и медсёстры, воспитатели и морщинистые старушки-нянечки, но все любящие его материнской любовью, в которой в то время он так нуждался.

Во снах Стёпушка не единожды видел и узнавал в статном черноволосом высоком мужчине своего отца. Он узнал его сразу, с первого раза, незамутнённой детской душой и принял, ни разу не усомнившись. Отец был военным, но в каком звании, мальчик не знал.

Он уже знал комнату с круглым обеденным столом посредине. Стол покрыт белой в голубую клетку полотняною скатертью, а на время обеда поверх стелилась цветастая клеёнка. За столом отец в белой нижней рубаше, без ворота, просматривал газету. На спинке стула – отглаженная гимнастёрка с пришитым белоснежным воротничком. Мама Степанида накрывала стол, ставила налитые тарелки, и Стёпушке казалось, что это суп с лапшой (он до сих пор любит куриную лапшу и может есть её каждый день). Сам мальчик сидел на стуле, и на сиденье для высоты подкладывалась толстая книга, завёрнутая в полотенце. У отца почему-то недовольное лицо, он ест молча, ни на кого не глядя. Степанида же не молчит, всё воркует, что-то предлагает, подаёт, наливает, и всё с улыбкой – от души.

В комнате кроме родительской кровати, застланной белоснежным покрывалом, с горой подушек под кружевной накидкой, стоял лакированный шифоньер, за которым, как за ширмой, была железная детская кроватка Стёпы.

За тем же обеденным столом отец читал вслух детские книжки. Стёпушка уютно громоздился на коленях у отца между рук, и спиной чувствовал его ров-

ное дыхание. И любимая книга «Конёк-горбунок» пахла типографской краской, и яркие картинки во весь лист, и необыкновенные приключения героев уводили далеко-далеко, в сказочные дали. В центре стола на круглой деревянной подставке иногда горела керосиновая лампа, освещающая золотым светом склоненную голову матери, она тоже слушала и одновременно вязала крючком белую салфетку, и её светлые волосы отсвечивали золотым нимбом. Позже, уже не дома, Стёпа прочитал «Городок в табакерке» В. Одоевского и вспомнил, пробилось вдруг через глухое чёрное забытьё, что эту книжку когда-то ему читал отец.

А вот молодая семья на майской демонстрации: счастливый Стёпушка сидит на плечах отца, одной рукой обвив шею, а другой держится за погон гимнастёрки. Парад кончился, портреты вождей и свёрнутые транспаранты грузят в машины, но ещё всё красно от знамён, флагов и флажков, и празднично наряженные улицы запружены толпами нарядных людей, звучит музыка, где-то играет гармошка, поют... На такой высоте мальчику всё видно, весело и страшновато, и он уже двумя руками держится за шею отца. Для него праздник продолжается, – дальше уличное кафе, круглый столик под льняным полосатым тентом и три металлические вазочки с мороженым, политым красным сиропом. Лица родителей празднично-веселы и довольны. А мама просто сияет красотой и молодостью. Золотистые волосы не покрыты косынкой, заплетены в косы и уложены короной на затылке, и лёгкое шёлковое платье подчёркивает тонкую талию.

Дома за столом с белой праздничной скатертью, в большой тарелке – домашние пельмени, которые лепили всей семьёй за мирной беседой. Отец выкладывал их на большой разделочной доске в ровные ряды и считал. Там, в этой тарелке, есть сваренный и его не очень чистый, замусоленный комочек-пельмень. Стекланный графинчик, из которого наливают в рюмки холодную водку, и отец с матерью чокаются и затаённо чему-то улыбаются. Оранжевый абажур с золотой бахромой освещает родные и любимые лица, и это его семья, – его, Стёпушкино, незабываемое, рано потерянное детское СЧАСТЬЕ.

И ещё один часто повторяющийся сон – эпизод, которому пока не найдено объяснение и место в череде событий жизни маленького Стёпушки: на пороге комнаты мужчина, едва узнаваемый, с шапкой чёрных кудрявых волос, переходящих в бороду, с красным от загара лицом, незнакомо пахнувший, опоясанный широкими ремнями – его отец. Он подхватывает Стёпу, подбрасывает к потолку, и мальчик от сладкого ужаса весело кричит. Отец прижимает Стёпушку к лицу, щекочет курчавой жёсткой бородой, отчего у него в животе что-то сжимается в комок, и он опять безудержно хохочет, крутя головой. Смеётся и Степанида, но у неё по щекам почему-то сбегают слезы. А через полчаса, сбрав бороду, незнакомец окончательно становится ПАПОЙ.

Дальше – пробел времени, памяти и событий... пока...

Лето, вторая половина, ближе к осени... Они с мамой движутся по пыльной просёлочной дороге. Всё очень странно и непонятно. Они почему-то покинули свой дом, прихватив уложенные в чемодан вещи и несколько больших узлов. Все вещи нагружены на велосипед. Большой чемодан привязан к багажнику над задним колесом, на нём сидит Стёпушка и держится за седло. Узлы привязаны к раме и к рулю. Степанида идёт медленно, ведя велосипед за руль. Что случилось, куда они идут, зачем? Что с отцом? Может быть, началась война? Наверное, мама как-то объясняла причину случившегося, да Степан безвозвратно забыл. Вспомнит ли?

Степан не знает, в каком месяце началось их путешествие. По-видимому, это случилось в начале лета, по теплу, – так как он до сих пор не вспомнил холодных дней того времени.

Степан уставал от долгого сидения на чемодане, и тогда мать разрешала ему побегать босиком по мягкой пыли, лёгкими брызгами выбивающимися из-под ног. Иногда и мать разувалась, вешала на руль рядом с сандаликами сына и свои босоножки и, с видимым удовольствием, шла по тёплой дороге.

Встречаемые на пути сёла удивляли откровенной нищетой: низкие саманные домики с плоскими глиняными крышами, заросшими травой, или покосившиеся серые бревенчатые избы с крышами из лежалой серой соломы. Встречались дома, скорбно зияющие пустой обрешёткой стропил. Степанида объяснила сыну, что такие дома раньше были крыты соломой, но в зимнюю бескормицу её скормили скотине. А вот осенью, после сбора урожая, дома непременно покроют свежей жёлтой соломой, и тогда всё преобразится. При всех домах имелись огороды, о чём издалека радостно оповещали желтоголовые длинноногие подсолнухи и задумчивые колодцы-журавли. Проходили мимо заброшенных кладбищ, о существовании которых можно было догадаться лишь по изредка сохранившимся, завалившимся крестам, да ветхая деревянная часовенка напоминала о бренности сущего.

Иногда, в полдень, дорогу переходило стадо коров, коз и овец, подгоняемое пастухом, сидящим на лошади, на наброшенной поверх телогрейке. Увидев стадо, Стёпушка немедленно громоздился на багажник велосипеда, так как боялся страшного быка со зловеще загнутыми рогами, с налитыми кровью глазами и большим металлическим кольцом в носу. Наверное, бык боялся только пастуха с бичом в руках и, волею обстоятельств, вынужден был подчиняться и делиться с ним своей властью над коровами. Мелко перебирая тонкими ножками, перебежали дорогу козы и овечки. Важно, не торопясь, шли коровы с раскачивающимися бочкообразными животами. Стадо мычало, бляело, гремело боталами вперемежку с нежным перезвоном колокольчиков. Вслед за стадом летели рои зудящих мух и оводов, от которых хвостами отбивались коровы. Всё это многоголосие дополнял щёлкающий бич пастуха и его грозные крики. Там, вдалеке, в колышущемся от зноя воздухе, призрачно мерещилась прохладная речка, к которой на водопой спешило стадо.

Они отдыхали в тени под развесистым деревом, ели хлеб, круто сваренные яйца, пупырчатые хрустящие огурцы, зелёный лук, запивая водой из бидончика. Иногда уставший мальчик засыпал, уложив голову на колени матери. Спала и Степанида, прислонившись к стволу дерева. Отдохнув, двигались дальше по дороге. Голова матери повязана платком, длинная юбка с невзрачной кофточкой – это уже другая мама, и он постепенно свыкается с таким её образом.

Ночевали они как придётся: в непогоду просились на ночлег, а если тепло и сухо – спали на земле, на разостланном ватном одеяле, обнявшись и укрывшись тёплой шалью. Останавливались на ночлег засветло. Степанида старалась, чтобы стоянка располагалась под деревьями, недалеко от воды, чтобы можно было умыться и помыть уставшие ноги. Остановившись на ночлег, она освобождала велосипед от узлов и садилась отдохнуть под дерево. Усталые руки лежали поверх юбки между расставленных ног, неподвижный потухший взгляд устремлён в никуда, в пустоту. Увидев её усталость, Стёпушка хватал бидон и бежал за водой.

– Мужичок ты мой, помощник, что бы я без тебя делала?!

Шелестел листвою слабый вечерний ветерок, наполненный ароматом цветущих полевых трав. Прозрачные сумерки окрашивались оранжевым закатным светом, примолкали птичьи голоса. Ночная мгла падала внезапно после заката, а вместе с ней появлялась луна с редкими золотыми звёздами. Уже в постели Стёпушка, рассматривая луну, пытался распознать таинственные серые очертания на её поверхности и обнаруживал вдруг мириады мелких голубых звёздочек, проступивших из необъятной Вселенной. Он отыскивал созвездия Большой и Малой Медведиц, находил Млечный путь – всё это ему показала Степанида. Не всегда удавалось найти Полярную звезду, а будить мать он не решался. Он слышал шорохи ночных животных, а однажды оранжевый диск луны бесшумно перечеркнула планирующая чёрная птица, и раздался тонкий мышинный писк. Стёпушка накрылся с головой и прижался к матери.

Поднимались с первыми лучами солнца. Завтракали. Стёпушка держал велосипед, а Степанида навешивала и привязывала к нему узлы и чемодан с вещами. Они выходили на дорогу по утренней свежей прохладе, оставляя после себя тропку примятой травы.

Однажды они, как обычно, одиноко шли по пустынной серой дороге. Был светлый прохладный день, после ночного дождя прибита пыль, и воздух насыщен животворным озоном, легко дышалось, и солнце пряталось в реденьких белых облаках. Стёпушка следил, как от колес велосипеда отпрыгивают в придорожную пожухлую траву кузнечики, порхают с куста на куст бабочки и жуки, летают, мечутся в поднебесье неугомонные стрижи и ласточки. Они только одолели тяжёлый подъём и взобрались на бугор. Степанида едва отдышалась, как раздался конский топот и шум телеги. Огромный чёрный конь с взлохмаченной гривой, с огненными вращающимися белками глаз, с открытой пастью, раздираемой удилами и падающей кровавой пеной, казалось, взлетел, навис, подняв передние ноги над путниками. Его удерживал натянутой уздой не менее страшный чёрный человек. Под его гортанные крики конь, с поднятыми передними ногами, попятился назад и опустился на все ноги. Мужчина с чёрными спутанными волосами, с серьгой в ухе громко хохотал:

– Что, испугались?

Из большой телеги, покрытой серым пыльным пологом в виде крыши, легко прыгнула женщина в длинной цветастой юбке, черноглазая и черноволосая, в ярком платке, повязанном тюрбаном, и с гортанными криками набросилась на мужика. Дальше она говорила по-русски, и, предварительно спросив у мужа, предложила подвезти путников на телеге – в кибитке, им оказалось по пути. Цыганская семья ехала издалека, чтобы воссоединиться со своим табором. Степанида согласилась принять помощь. Велосипед привязали снаружи, к задку телеги, а узлы плотно уложили к боковой стенке.

Степанида сидела на своих узлах, легко касаясь спиной пузырящегося полога, Степа – у неё на коленях. В цыганской семье было трое детей-погодков, близких Стёпе по возрасту, которые постоянно копошились и во что-то играли. Кибитка была устлана душистым сеном и забита узлами и разным скарбом, рядом с хозяином находился мешок с овсом для лошади, на который опиралась спиной хозяйка. Необыкновенно вкусно пахло свежее испечённым хлебом. Когда вскоре остановились на обед, хозяин-цыган потянулся назад и достал из-под сена мешок,

наполненный несколькими ковригами хлеба. Хлеб (он был ещё тёплый) разломали на большие куски и разложили на холстине, вместе с нарезанным салом. Степанида выложила варёные яйца и огурцы. Теперь, спустя время, Степану думалось, что хлеб был краденый, и цыганская кибитка, встретившаяся им тогда на дороге, уходила от погони.

И вот они приехали в большое село, чтобы обменять вещи на продукты. Кибитка осталась у просёлочной дороги. Степанида со Стёпушкой отделились от громогласной цыганской семьи и пошли по торговым рядам со своим узлом вещей. Когда, удачно совершив обмен, они вернулись к кибитке, её уже не было – цыгане умчались, прихватив имущество своих попутчиков. Обезумевшая от горя мать сорвала с головы платок, бросилась на землю и забилась в страшных криках – они потеряли последнее, самое необходимое, что оставалось для жизни. Стёпушка заплакал, до конца не поняв ужаса случившегося, он обнимал мать за плечи, пытался поднять её. Подошедшие люди сочувственно качали головами: да, цыгане, они такие...

Из оставшегося при них узла Степанида достала две наволочки и, привязав на углы бечёвки, превратила их в нищенские сумы, перекинув через головы себе и Степану. Весь ужас потери заключался в том, что в украденных вещах были личные документы и зимняя одежда с обувью. Остаться без документов – большего ужаса не представить, и это в военное время...

Дальнейшая жизнь Степаниды и Степана – бездомная, нищая – потянулась бесконечной унылой дорогой от села до села. Вскоре городская обувь, неприспособленная к длительным переходам, развалилась, и истёртые отвалившиеся подошвы пришлось привязать бечёвкой. Начались затяжные унылые дожди, перемежающиеся холодными ветрами – предвестники начинающегося осеннего ненастья. В полях уже был убран хлеб, острая серая стерня со скирдами соломы и небо со стаями готовящихся к отлёту птиц наводило печаль и уныние.

Однажды на короткое время их попутчицей стала пожилая, суровая на вид женщина, крепкая темноликая старуха. Назвалась она Ефросинией. Она шла издалека, ходко, была хорошо по сезону одета: в простёганной телогрейке, в тёплой шерстяной шали, из-под которой виднелась кромка белого платка, в длинной суконной юбке и кирзовых высоких сапогах. За плечами на лямках тёмный набитый вещами сидор. Она была монашкой из разорённого коммунистами монастыря и шла в какое-то село, где негласно организовали свою общину такие же, потерявшие свою обитель верующие. Всю дорогу шёл разговор о вере, о Боге, о священном писании, о молитве.

В мешке Ефросинии, кроме продуктов, были иконы, книги и кое-какая церковная мелкая утварь: кадилница, дарохранительница, ваза и ложечка для причастия, ладан в металлической баночке и что-то ещё. Всё это она показала на отдыхе. Тогда же она подарила Степаниде молитвенник – тоненькую книжечку в мягком переплёте. Монахиня свернула на каком-то повороте просёлочной дороги и навсегда ушла из их жизни.

В короткое время мать сдала физически: сгорбилась, плохо одетая, молчаливая, с потухшими глазами, неопределённого возраста. Теперь они заходили во встречающиеся на пути церкви погреться, и мать читала молитвенник, неумело крестилась, кланялась до земли и целовала иконы. Степан повторял за ней молитвы и тоже кланялся.

Мать так и не научилась просить милостыню – люди и так понимали их бедственное положение и сами делились, чем могли.

Однажды, попав под обложной мелкий дождь, вымокшие до последней нитки, к вечеру добрались они до большой деревни. На несколько дней их радушно приютила Клавдия – сильная крупная женщина, с грудным ребёнком на руках, умело справляющаяся с большим хозяйством в отсутствие мужа. Он в эти дни находился в городе, торговал на базаре. Путники не чувствовали себя в её избе непрошенными гостями. Клавдия, заметив нездоровье гостей, устроила баню и напаренных, накормленных уложила на лежанку жарко протопленной русской печи.

Проснулся Стёпушка среди ночи от слаженного громкого пения сверчков. Хозяйский младенец спал в люльке. В комнате было светло. В дальнем красном углу, под тёмной иконой алела лампада. Было полнолуние, и круглая жёлтая луна вливалась через окно толстым золотым потоком, заливая стол и освещая сидящих за ним напротив друг друга женщин, проливался со стола на пол, застывая светящейся лужей. Степанида, с распущенными вымытыми и расчёсанными волосами, в нижней рубахе, подперев голову ладонью, печальным шёпотом что-то рассказывала. Клавдия внимательно слушала, а потом, тихо плача, рассказала о своём горе: весной, в распутицу, умер её шестилетний сын Петя от глоточной (дифтерит, корь, скарлатина), фельдшерница не успела вовремя добраться до больного. А уж после смерти Пети, через полгода родилась дочка Анюта.

Стёпушка снова уснул и проснулся уже от громкого шёпота. Выглянув из-за занавески, увидел в руках у Клавдии карты, которые она разбрасывала в кружок на столе. Он впервые увидел гадание на картах, правда, не с самого начала.

– Он жив, в казённом доме и, кажется, надолго.

Она говорила что-то ещё и ещё, собирала карты в колоду и снова разбрасывала их по столу, и всё что-то говорила. Когда Степаниде выпала дальняя дорога и казённый дом, Клавдия решительно собрала все карты в стопку – всё, дальше гадать не буду! – плохая карта выпадает, идём спать.

Путники прожили в гостях три дня, до приезда хозяина – молчаливого, кряжистого и грубоватого на вид мужика. Степанида засобиравшись, кланяясь в пояс благодаря хозяев за приют. Клавдия, и до этого уговаривавшая у них перезимовать, ещё раз предложила остаться, но Степанида твёрдо отказалась. В последний момент хозяйка вынесла из чулана узел, в котором оказались вещи умершего сына: ладные крепкие сапожки, полушубок, зимняя шапка и чистые нательные вещи. Всё это по размеру подошло Стёпушке. Видно, приглянулся Клавдии грустный мальчик с прозрачными серыми глазами – такова она, отзывчивая материнская душа. Степанида переделалась в хозяйкину стёганую серую телогрейку, немного великоватую, накрыла голову старенькой шерстяной шалью, надела грубые, но ещё крепкие кирзовые сапоги. На прощание Клавдия вынесла серый мешок с ляжками, в который положила подаренные детские вещи и завёрнутые в тряпицу каравай хлеба, сало и варёные яйца.

И снова, уже на пороге, кланялись в пояс готовые в дорогу благодарные путники. Хозяйка долго стояла в раскрытой калитке, и, когда они оборачивались, махала им рукой. Крупная пегая собака выбежала со двора вслед уходящим. Степанида, оборачиваясь, гнала её домой, но та всё продолжала бежать в отдалении. Тогда женщина сделала обманное движение, будто подняла с земли камень и замахну-

лась на неё, – собака остановилась и присела. Долгий протяжный вой, похожий на стон, долетел до путников.

Только вот куда так торопилась Степанида, что толкало её на новые тяжкие испытания? Всю жизнь Степан думал, пытался разгадать материнскую тайну.

Осень, холодная и дождливая, в этот год пришла рано. Низко ползущие чёрные тучи проливались мелкими холодными дождями, ненадолго присыпали сухой снежной крупой стылую землю. Мучили путников непроходящий от вымокшей одежды озноб, душевная усталость от ранних сумерек, вид мокрых деревьев и серых домов и суровая безнадёжность жизни. Стёпушка заметил, что мать заболела: сухой изматывающий кашель сотрясал её худое тело, заставлял сгибаться пополам и, распрямившись, вытирать углом шали рот. Она стала быстро уставать, и тоска окончательно поселилась в её глазах.

На последней ночёвке перед ближайшим городом хозяева посоветовали Степаниде на время определить сына в приют, а самой подлечиться в больнице. Благо, что до города совсем близко, и там есть детский дом. Мать не спала ночь, надрывный мучительный кашель рвал горло, грудь, душу. Положение было безвыходно – дальше зима, бездорожье и безнадёжность...

Утром, выйдя в дорогу, Степанида рассказала сыну о своих планах:

– Видишь, сынок, я совсем разболелась, идти больше не могу, да и зима не позволит. Мне нужно лечь в больницу и серьёзно лечиться. Ты немного побудешь в детском доме, ты ведь умный мальчик, всё понимаешь. А я полечусь в больнице, устроюсь на работу, сниму квартиру и заберу тебя к себе. А к весне накопим денег и продолжим наш путь. Осталось совсем немного. Ты ведь знаешь – я никогда тебя не оставлю, не брошу – ты мой родной, любимый, единственный сынок.

Они шли по подмёрзшей сухой дороге, и Стёпушка каблуком сапога разбивал тонкие прозрачные льдинки. Дул лёгкий ветерок с запахом свежести и близкого снега. И вскоре редкие мелкие снежинки, легко раскачиваемые ветерком, стали тихо падать на холодную землю.

Они пришли в город Н-ск, чужой, где не было знакомых и их никто не ждал. Город был деревянный, с широкими улицами, с просторными лужайками перед домами. На некоторых улицах были проложены дощатые, щелястые, напитанные влагой узкие тротуары. Наверное, летом в этом городе было уютно: из-за деревянных заборов вываливались наружу ветки вишни со спелой блестящей ягодой, зрели яблоки на прогнувшихся ветках, а в палисадниках тянулись к небу разноцветные радостные мальвы и пышные кусты золотых шаров. Теперь же только алые кисти рябин разбавляли серую, в основном, его палитру.

Они нашли детский дом. Это было большое бревенчатое одноэтажное строение с большим количеством окон по фасаду, на дощатой крыше – что-то похожее на небольшой мезонин с окошком, украшенным узорчатыми наличниками. Такими же наличниками были украшены все окна дома. Большие двустворчатые ворота с накладными звёздами-лепестками, когда-то покрашенные в синий цвет, теперь посерели из-за осыпавшейся краски. По центру фасадной части дома – выступающее крыльцо с небольшой двускатной крышей, украшенной по сторонам прорезными досками, с крашенными суриком удобными боковинами, на которых можно сидеть, с широкими ступеньками и перилами, дальше, вглубь – входная двустворчатая филёнчатая дверь с круглыми, гранёными, прозрачными ручками-шарами.

Степанида обняла сына за плечи, долго стояла, всматриваясь в его лицо.

– Я ухожу ненадолго, не скучай, и главное – верь! – я скоро вернусь, что бы ни случилось! Постучись в дверь, когда я дойду до угла.

Степан спокойно смотрел вслед уходящей матери, он был уверен, что их расставание временно, ну на недельку – не более. Мать дошла до угла, обернулась и долго смотрела на сына, на пустую улицу, на дом, в котором временно будет жить её сын. Степан увидел, как падающий наискось снег заштриховывает белым лёгкий золочёный купол храма, фигуру матери. Вот она смахнула платком слёзы, перекрестила его, помахала рукой на прощанье и скрылась за углом улицы.

Немного постояв, он по ступенькам поднялся на крыльцо и на широкой боковине увидел крупную дымчатую кошку. Она сидела, спрятав под себя лапки, обернувшись по туловищу пушистым хвостом. Тонкие снежинки нападали, накололись на её шерсть и, постепенно тая, превращались в шарики воды. Видно было, что кошка озябла и ждёт, когда откроется дверь.

Степан подошёл ближе к двери и прислушался: дом был живой, тёплый и наполнен детским голосами. Он взял в руки кошку, и та охотно и привычно прильнула к его груди. Встав спиной к двери, мальчик стал громко колотить сапогами во входную дверь. Дверь скоро открылась, кошка спрыгнула на пол и, подняв хвост, побежала по коридору. Он увидел немолодую женщину с высокой причёской и в белом халате. Внимательно посмотрев на мальчика, она спокойно пригласила его войти.

В коридоре пахло домашним теплом, печкой, дровами и вкусным борщом. Откуда-то набежали дети: стриженные наголо мальчики и девочки с короткими стрижками. Все в одинаковых рубашках и платьях. Где-то звучало пианино, и пели хором. Дети внимательно рассматривали новенького.

Заведующая (это она отворила дверь) Клара Михайловна пригласила Стёпу в свой кабинет. Она долго расспрашивала его о родителях и семье, её интересовали подробности и мелочи их семейной жизни, и он рассказал всё, что знал. На вопрос, куда они направлялись с матерью, Стёпа уверенно сказал, что шли они к отцу. Все ответы Клара Михайловна записала в толстый журнал. Во всё время разговора дверь была слегка приоткрыта, и дети подслушивали разговор заведующей и Степана. Видимо, Клара Михайловна знала об этом, потому что, не оборачиваясь к двери, крикнула, чтобы позвали Евдокию. Раздался топот ног и крики: «Дусечку, Дусечку в кабинет вызывают!» Степану показалось, что дети звали Душечку, и подумал: какое странное имя.

И опять обратный топот ног, и в кабинет вбежала запыхавшаяся, небольшого роста, худенькая, сероглазая девушка, её короткие стриженные волосы на затылке были собраны большой овальной коричневой гребёнкой. Белый халатик на спине завязывался на верёвочки. Девушка была горбата, и это поразило Степана. Два горба – грудной и на спине, между которыми на тонкой шейке маленькая головка с ясными сияющими глазами, любящими всё и всех. Она мало чем отличалась от воспитанников и, как вскоре выяснилось, выросла в этом приюте, это был её родной дом, а все дети были братьями и сёстрами. Теперь она работала нянечкой, но жила по-прежнему в детском доме.

– Евдокия, это Степан, он некоторое время поживёт у нас. А сейчас его необходимо переодеть, накормить и поместить в палату, – строго распорядилась заведующая.

Душечка, как теперь называл её Степан, осветила его сиянием своих серых лучистых глаз, что подбодрило и придало ему смелости и уверенности. Она взяла его за руку и повела в ванную, где кроме большого цинкового корыта, стоящего на деревянной решётке, был ещё и длинный ряд умывальников. У Душечки был глуховатый грудной голос с некоторой одышкой. Всё это время она ласково с ним говорила, что-то рассказывала о детях, о заведующей. Из настенного шкафчика она достала машинку для стрижки волос и мгновенно остригла отросшие кудрявые волосы Стёпы. Проведя рукой по гладкой голове, Стёпа подумал, что теперь мама его может не узнать, у него покривились губы и выступили слёзы на глазах.

– Что ты, что ты, мама тебя всегда узнает. А волосы отрастут быстро. У нас такой порядок для всех, – утешала, обнимая его за плечи Душечка.

Она ведром натаскала из кухни горячей воды и быстро мочалкой с мылом вымыла огорчённого мальчика. Душечка протянула ему детдомовское бельё с рубашкой и штанами, но Стёпа отвёл её руку и схватил свою одежду:

– У меня своё есть, я своё буду носить!

И опять Душечка успокоила его:

– Конечно, оденешь своё, только его надо постирать! Я сама постираю твои вещи и отдам тебе.

Обедал Стёпа в столовой один. Душечка принесла из кухни на подносе тарелку борща, на блюде нарезанный хлеб, стакан компота и булочку с повидлом. Из кухни выглянула повариха тётя Маша, посмотреть на нового воспитанника детдома.

– Худенький..., а что у него щёки-то горят?

Она подошла и потрогала лоб мальчика.

– Да у него же температура! Евдокия, зови Клару Михайловну!

Вскоре Стёпа лежал в постели, в отдельной комнате, называемой изолятором. Клара Михайловна сама измерила температуру, и она оказалась повышенной. Душечка, с горестным выражением, была здесь же, стояла в головах кровати.

– Евдокия, останься ночевать в изоляторе, последи за ребёнком.

Душечка присела на край кровати, погладила Стёпу по голове:

– Видишь, как получается, простыл ты в дороге вместе со своей мамой. Ну нечего, подлечишься, а потом познакомишься с ребятами, и всё будет хорошо. А я сегодня буду спать на этой кровати, – Душечка указала рукой на соседнюю убранный кровать, – чтобы тебе не страшно было. Я сейчас пойду накрывать столы к ужину, ребята с прогулки вернутся голодные, а ты поспи, я приду попозже.

Стёпа задремал, а когда проснулся, было совсем темно, и на тумбочке возле кровати Душечки горела настольная лампа. Душечка в белом халате, лёжа поверх застланной постели, читала книгу. Рядом с ней лежала знакомая серая кошка и громко уютно мурлыкала. Душечка одной рукой держала книгу, а другой гладила кошку.

Проснулся Стёпа среди ночи от страшного сна и собственных криков: «Конь, чёрный конь! А-а-а!» Он бился в темноте, запутавшись в одеяле, подушка упала на пол.

Душечка включила лампу и стала его успокаивать:

– Стёпочка, тебе это приснилось, посмотри, нет коня!

– Нет, он был здесь, он поднял передние ноги, он огромный и чёрный, у него длинная грива, он хотел меня затоптать!

Душечка взяла свою подушку и хотела лечь рядом, чтобы успокоить мальчика, но он оттолкнул её – уходи, ты не моя мама!

– Конечно же, не твоя. Твоя мама скоро придёт за тобой!

Он всё же позволил ей полежать рядом и поговорить с ним.

Испуганная кошка спрыгнула с кровати и жалась к двери, чтобы её выпустили. Но Душечка положила кошку Стёпе на одеяло, и та замурлыкала, заурчала, словно внутри включился маленький моторчик. Мальчик гладил кошку, перебирал пальчиками шерсть и постепенно успокоился и уснул.

За прошедшую ночь у Степана обметало вкруговую губы, появилось множество болезненных водяных пузырьков. Рот с трудом открывался. Утром его осмотрела врач.

– Простуда, надо наблюдать, лёгкие чистые, а вот горло сложно посмотреть, но, скорее всего, воспаленное. Больше питья. Хорошо бы чай с лимоном или с малиной, – таково было заключение врача.

Она сделала назначение и ушла. Выступивший герпес густо намазали зелёной, и Стёпа в очередной раз подумал, что мама его теперь точно не узнает. Он часто на короткое время засыпал, а просыпаясь, рассматривал крашеную голубой краской стену, у которой стояла кровать. В трещинках он угадывал цветы, зверьков и даже морщинистое лицо старика. И на штукатурке потолка проглядывались свои, не менее интересные узоры. Обедал он в постели. Кормила Душечка насильно, уговаривая съесть каждую ложку. Она нашла где-то лимон и поила его кисленьким чаем, который нравился мальчику, вот только обмётанные губы причиняли боль и страдание. Он вспоминал маму, она тоже болеет и сейчас где-то в больнице и тоже, наверное, пьёт таблетки. Но она скоро поправится и придёт за ним, ведь её лечат умные врачи, её кормят и ей тепло в больнице.

Душечка временно поселилась в изоляторе. Теперь в углу на гвоздике висело её домашнее платье, а вечером – белый халат. Она принесла книги и читала вслух, пока Стёпа не засыпал.

Душечка рассказала, что у неё есть своя собственная комната, почти квартира, здесь же, в конце коридора, и она пригласит Стёпу в гости, когда он выздоровеет. Она покажет всё, что у неё есть, а есть у неё много чего интересного: например, любимый плюшевый мишка. Его ей подарили на день рождения в детдоме. Он уже старенький, но всё равно милый.

В изоляторе всю ночь горела настольная лампа, прикрытая сверху чем-то цветным, отчего вокруг неё был приглушённый красно-зелёный свет, а углы комнаты оставались тёмными.

Проснулся Стёпа внезапно и не совсем до конца. Он сидел с закрытыми глазами на холодном горшке и не сразу понял, что это горшок. Качнувшись, он ухватился за склонившуюся над ним Душечку, и руки его натолкнулись на что-то твёрдое, угловатое и неживое. Его губы покривились, клёклый, болезненный хриплый всхлип вырвался из большого горла, и он попытался оттолкнуть это нечто, но его крепко держали за плечи.

– Стёпочка, это я, твоя Душечка. Это у меня горбик, не бойся, я ведь тоже болею. Открой глазки, посмотри... – причитала над ним она...

Утром мальчик обнаружил лежащего рядом на подушке небольшого плюшевого медвежонка. Он обнял его, прижал к себе и накрыл одеялом. Стёпа всматривался в прозрачные пластмассовые глаза игрушки и чувствовал в ней

присутствие Душечки, её нежный терпкий запах, и это открытие помогало. Она вбегала, запыхавшись, её серые глаза выплёскивали тревожное ожидание чуда выздоровления, и не найдя его, тускли и гасли.

Через какое-то время Стёпу отвезли в инфекционную больницу областного города. Болезнь прогрессировала и приняла неожиданный оборот. Душечка (других к себе Стёпа не подпускал) надела на него одежду, в которой он поступил в детдом, постиранную ею, как когда-то и обещала.

От этого времени в памяти осталось очень мало. Долгое время он находился в беспамятстве, был почти безнадежным. В минуты сознания видел большую комнату, сплошь заставленную детскими кроватями, под потолком постоянно светила единственная голая лампочка, тусклый жёлтый свет наводил тоску и уныние. Большие пустые окна с закрашенными белой краской нижними стёклами (видимо, это был первый этаж). Уколы делали постоянно днём и ночью через два часа. Стёпа на боль не реагировал. Старенькая нянечка носила его в туалет и сажала на горшок, прислонив к себе. Было холодно, пахло мокрыми полами, хлоркой и дезинфекцией. Голова Стёпы не держалась, словно шея была тряпичной, и лежала на груди нянечки. Накинув на него лёгкое одеяльце, прижав к себе, качала как младенца, что-то тихо напевая.

Улучшение пришло внезапно, а вместе с ним другие проблемы – он перестал слышать. В ватной пустоте у говорящих людей шевелились губы, у обедающих не звякали в тарелках и в стаканах ложки, беззвучно плакали больные дети, не слышно было проезжающих под окнами звенящих трамваев. Повредилась и память, она стала стерильно чиста, вдруг всё забылось, даже имя. Он стал пустой оболочкой, которую в будущем предстояло заполнить воспоминаниями детских лет, восстановить слух. Нет, в то время семилетний Степан не знал, совсем не понял ужаса своего положения. Он много спал, а проснувшись, с интересом наблюдал происходящее в палате. Так однажды в морозном окне палаты появилось лицо Душечки. Она махала ему рукой, улыбалась, делала какие-то знаки. Её лучистые сияющие глаза утонули в слезах, а он смотрел и не знал, кто это, не понимал, что происходит. Она передала ему серый бумажный кулёк с пряниками и конфетами-подушечками, а поверх лежало большое румяное яблоко.

В больнице Степан пробыл около года. Слух постепенно возвращался, и мир для него снова становился осязаемым, объёмным и живым. Он ещё долго оставался слабым физически и нуждался в медицинском наблюдении. В свой детдом Степан не вернулся, а был переведён в интернат для ослабленных детей в подмосковный город С-ск. С Душечкой он больше не встречался, но вспомнив однажды, уже не забывал никогда. Память восстанавливалась медленнее, чем слух. Что-то однажды вспомнив, Степан долго сопоставлял имеющиеся факты, и появлялся новый эпизод. Возможно, в его жизни так и останутся белые пятна, не всё удастся вспомнить. Теперь, по происшествии стольких лет, Степан считал, что в детстве он переболел менингитом.

Прошло время. Степан превратился в высокого, худощавого и стройного подростка-юношу с прекрасными вдумчивыми глазами. Он был не по годам серьёзен, спокоен и обстоятелен. Время определило его интересы и способности, а также жизненное профессиональное направление. Его не привлекали никакие виды спорта, он не был заядлым болельщиком. Учился неплохо, но математические предметы не любил, да и давались они ему зубрёжкой. Он любил литературу и

историю, с детства был активным читателем и книголюбом. Близость к Москве и частые экскурсии в музеи и театры столицы определили гуманитарный склад ума и проявили желание и мечту стать филологом, связать жизнь с литературой. Всё свободное время он проводил в школьной библиотеке, и скоро там не осталось не прочитанных им книг. Он был любимчиком библиотекарши Нины Степановны, и она частенько оставляла его в библиотечных фондах, позволяя не только просматривать книги на полках, но и здесь же читать, сидя на табуретке у окна. Тишина, стойкий запах старых книг, возможность остаться с самим собой и восстанавливать, вызывать из прошлого забытые родные лица.

К этому времени Степан уже отрывочно помнил отца и мать и некоторые эпизоды семейной жизни. Вспомнил он и свою Душечку. Мучительно долго вспоминал обстоятельства посещения её комнаты в детдоме. Это была крохотная комната, отделённая от коридора фанерной перегородкой, с тонкой дверью и всяким замочком на проволочных петлях. Комнатка с одним окном, выходящим на улицу, с белыми занавесками, с чёрными детдомовскими печатями по углам, с горшками алоэ и герани на подоконнике. Подростковая железная кровать, аккуратно застланная синим, с белыми полосками по краям, одеялом, подушка, – всё детдомовское, но всё родное, любимое Душечкой. На столе, покрытом розовой салфеткой, сидел плюшевый мишка, потрёпанный жизнью и детдомовскими детьми – утешитель больных и тоскующих детей. Рядом на кружевной салфетке – флакончик духов «Душистый сандал». От Душечки всегда пахло чистотой, девичеством и душистым сандалом...

Иногда у Степана возникало желание побыть одному, он шёл в библиотеку на второй этаж и долго смотрел в окно. Ему казалось, что вот-вот по улице пройдёт мать, поднимет голову и будет вглядываться в окна, а он увидит и выбежит на улицу её встречать. А может быть, искать его будет Душечка. Он-то их узнает сразу, это его внешность они, наверное, забыли, – а он-то их хорошо помнит.

В последние детдомовские годы его другом стал Лёша Кормишин, невысокий парнишка, спокойный, с россыпью веснушек на носу. Его русые непослушные волосы не поддавались расчёске и всегда были взлохмачены. Они сидели за одной партой, и в спальне их кровати стояли рядом. Родители Лёши погибли в войну, таких ребят в детдоме было много. Лёша обладал уникальными математическими способностями, увлекался физикой, химией, геологией. Впоследствии он поступил в Томский институт редких металлов – «редкоземельщиками» звались студенты этого учебного заведения. Степан в учебе старался не отставать от более способного Лёши, что помогло ему в дальнейшем хорошо подготовиться и поступить в Московский пединститут, на филфак. Они будут переписываться, пока не обзаведутся семьями и детьми, пока не огрузнеют телом и душой.

* * *

Поступив в институт, Степан поселился в студенческом общежитии. Студенты филфака были в основном девушки, парней было мало. Девчата, узнав, что он детдомовский, негласно стали опекать его, советовали, что купить из одежды, учили стирать и гладить свои вещи. Со стипендии он закупал продукты (вначале ему подсказывали, что купить), и девушки на общей кухне готовили и для него. Такое общение сделало Степана более коммуникабельным и житейски самостоятельным. Его не по-мужски красивое лицо и спокойный характер заставили

страдать не одну девичью душу. Но он об этом не догадывался, его душа не знала мечты, надежд и страданий от неразделённой любви. Девушки, словно сговорившись, ожидали, когда он наконец-то заметит и полюбит одну среди них. Они не позволили бы какой-то девчонке с чужого факультета увести «своего Степана».

В свои лучшие годы жизни – студенческие он познакомился и полюбил не только классическую, но и современную музыку, посещал театры, музеи, картинные галереи. На студенческих, праздничных вечерах частенько со сцены декламировал С. Есенина, М. Цветаеву, чеканил В. Маяковского, а после непринуждённо танцевал со своими подругами-однокурсницами.

Это случилось в середине сентября, во время учёбы на втором курсе. Студентов историков и филологов отправили на уборку картофеля, в пригородный совхоз. Парней обоих факультетов поселили в одной из комнат Дома культуры, а девушек – в просторном бревенчатом доме пожилой одинокой женщины. Была тёплая сухая погода, бабье лето. Ещё по-летнему светило солнце, летела по ветерку паутина, и листья деревьев были всех цветов осени: от жёлто-зелёного до лимонно-золотого и бордовых оттенков. Уборка картофеля у студентов всегда связывалась с романтической вольницей, со сменой обстановки и новыми знакомствами. Обычно оставались довольны все – и совхозная администрация, и студенты.

Одновременно каждый день из ближайшего военного гарнизона на день привозили молодых солдат-первогодков. Для них обед доставляли в походной кухне. Им, конечно же, хотелось бы остаться и на вечер: посмотреть в клубе кино, а после потанцевать – благо девчонок было много: и сельских, и московских студенток, но, увы, солдатиков увозили обратно – в казарму.

И в эту уборочную было так же: вспахали поле, вывернув картошку на земляные гребни, и она, припорошенная землёй, подсыхала на лёгком тёплом ветерке. Студенты, разделившись по парам, собирали в растрёпанные плетёные корзины крупные клубни, а после ссыпали в кузов грузовика. Смех, шутки, песни неслись над живой землёй, распахнувшей свои объятия – вот я: родила, берите, запасайте, насыщайтесь! Несравненный запах осенней распаханной земли, запах молодой свежескопанной картошки, запах жизни! Кто-то из ребят уже собрал горку сухой картофельной ботвы и разжигает костерок, чтобы позже в золе испечь картошку. Потом делили чёрную обожжённую картошечку на всех, по чуть-чуть, но всем. Обжигаясь, пачкая рот и щёки сажей, смеялись друг над другом.

После ужина, вымывшись, собираясь в клуб на танцы, ребята, посоветовавшись, решили купить и выпить на дорожку вина. В клуб пошли попозже.

Деревенский клуб представлял из себя большую избу с тёмными сенцами и большим залом, с отгороженной от него кинобудкой. В глухой стенке, отделяющей её от зала, было проекционное квадратное отверстие, через которое подавалось изображение на белый экран, находящийся на сцене. Сейчас там стояла радиола, и завклубом Андрей перебирал заезженные пластинки, выискивая без царапин и трещин.

Парни-студенты зашли за своими девчатами и пошли в клуб вместе. В этот день кино не показывали, был вечер танцев. Местные парни толпились перед входом, курили, громко разговаривали, передавая по кругу бутылку вина. Судя по громкости общения, она была не первой. Здесь же, на стуле, наигрывал на гармошке «Подмосковные вечера» местный гармонист Василий, пользующийся особым уважением у девушек. Когда на танцах по несколько раз проигрывались

все пластинки, публика громко вызывала: «Васёк, выручай!» И он, особо не чванясь, брал подругу-гармонь и играл весь свой репертуар.

Отдельной группой недалеко от ребят стояли деревенские, нарядно одетые, припудренные и надушенные девушки. Они дружно щёлкали семечки и прислушивались, поглядывая в сторону своих парней. Среди них выделялась бойкая, крепкая телом, всезнающая доярка Шурка.

– Ну и что, где там эти москвичи? Заблудились в ночи? – в рифму прокричала она, и все дружно засмеялись.

Студенты проявились в вечерних сумерках, светясь, как на негативе, белыми рубашками. В клубе молодёжь разделилась: местные кучковались по одной стороне, приезжие по другой. Ребята наблюдали и присматривались друг к другу. Несколько танцев группы протанцевали, не смешиваясь: студенты танцевали со своими москвичками, деревенские со своими девчатами, пока не объявили танго: «белый танец» – девушки приглашают парней! И сейчас же из группы сельских девчонок вышла бойкая Шурка и, не стесняясь, прошла через зал и пригласила на танец Степана. Её примеру последовали другие девушки, и к концу вечера знакомство молодёжи состоялось.

Шурка (только так её звали в совхозе) после первого танца уже не отпускала Степана от себя, давая другим понять, что это её выбор на весь вечер и она не позволит другим девушкам танцевать с ним. Вино, выпитое с товарищами накануне танцев, расслабило Степана, он стал говорлив, остроумен и доволен собой. Во время танца Шурка прижималась к нему своим крупным телом, и он чувствовал её груди и живот, и стеснялся, пытаясь отодвинуться. Она сама, по-мужски грубовато, вела его в танце, задавая движения и ритм. Местные ребята время от времени заходили на сцену за кулисы. Вот и Шурка, сильно не церемонясь, взяв за руку Степана, повела за кулисы. Там в тёмном углу на маленьком столике стояли граненые стаканы и бутылки со спиртным, начиная от бражки до самогонки и кончая магазинной водкой с вином. Она налила ему и себе по полстакана самогонки, и они закусили нарезанными огурцами и хлебом.

Объявили перерыв, и все вышли на улицу. Шурка со Степаном шли сквозь строй местных ребят. Их шутливо толкали, ставили подножки, и в адрес Шурки неслись солёные и обидные реплики. Шурка не оставалась в долгу, отмахивалась, кого-то толкала и зло огрызалась.

– Пойдём отсюда, лучше погуляем, на речку сходим! Идиоты!

Им в след раздалось неприятное улюлюканье и злорадный смех. Они погуляли по улицам, сходили на речку. Во время прогулки Шурка разухабисто пела частушки, а потом, дурачась, – «Шумел камыш...», и Степан подпевал ей, хотя и чувствовал неловкость от непристойного смысла песни. От впервые выпитой самогонки Степана мутило, состояние было непривычным и довольно неприятным. Какое-то неясное беспокойство шло от девушки, которая прижималась к нему, обняв за плечи. Она не умолкала, шутила, что-то рассказывала, заливисто хохотала.

Они подошли к кирпичному зданию, которое оказалось школой. У Шурки почему-то обнаружился ключ от входной двери.

– Зайдём, погреемся.

И он не отказался. Степана и в самом деле трясло: то ли правда замёрз, то ли какое-то неясное предчувствие, беспокойство от чего-то неизведанного лихорадило его.

Они прошли по гулкому коридору и зашли в пустой тёмный класс. Шурка на секунду оторвалась от него, метнулась в сторону, и в руках у неё оказалась какая-то подстилка. Всё остальное произошло непонятно как и в дальнейшем вспоминалось с отвращением.

Под утро, затемно, она проводила его на ночлег в Дом культуры, а сама пошла на ферму, чтобы немного вздремнуть в «красном уголке» перед утренней дойкой.

Встречи с Шуркой продолжились во всё время уборочной. Ежедневные выпивки на время усыпляли, глушили природную целомудренность и нравственность Степана. Школа, какие-то сараи, сеновалы... Мучительное недосыпание лишало его сил для работы.

Однокурсники пытались усостыжить его, посмеивались над ним, но Шурка паучьими объятиями крепко держала в своих опытных руках. Она была старше его не на два года (ей было двадцать лет), а гораздо больше. Уже спустя время Степана долго и мучительно преследовали запахи Шурки – жирных волос, прогорклого молока и силоса.

Начавшаяся учёба в институте была омрачена воспоминаниями и переосмыслением случившегося. Больная и запятнанная совесть лишила Степана душевного покоя. Ведь у него было свое представление о первой любви, о тонкой девушке, к которой он будет приходить на свидания с цветами, и они будут ходить в кино, гулять и говорить о будущем, планировать совместную жизнь.

Случившееся распяло его, смяло юношеские мечты, как грязную газету в комок. Жизнь надсмеялась над ним непотребным смехом и продолжала смеяться. Долгие годы он мучился сознанием, что в ту осень ублажал грязную похоть деревенской шалавы. Степан старался меньше находиться в студенческой общаге, много времени проводил в институтской библиотеке. Теперь частенько перед приходом на ночлег он выпивал стакан водки «на троих», чтобы уснуть до утра без мучительных воспоминаний. Он научился определять «страждущих» возле винного магазина и присоединялся к их компании. Факультетские девчонки всё это видели и понимали состояние Степана, сочувствовали ему и не знали, чем и как помочь. Начальная брезгливость и осуждение поведения Степана на уборочной сменилась стойкой ненавистью к Шурке, к её распущенности и наглому поведению.

Где-то через месяц после описанных событий Шурка заявила в общежитие института. Она держалась уверенно, была с мороза свежа и румяна, в яркой цветастой шали и с хозяйственной сумкой в руках. Степана, как обычно, в это время не было, он приходил гораздо позже. Её встретили и проводили в свою комнату сокурсницы Степана.

Над Шуркой разверзлись небеса, грянул гром, и что тут началось... Такого в свой адрес она не слышала и в родной деревне. Её даже отхлестали по щекам, выгнали и посоветовали забыть этот адрес. И она действительно забыла адрес общежития, но не забыла Степана.

Под Новый год, в послеобеденное время, Шурка караулила Степана недалеко от входа в институт. Она стояла уже больше часа и, несмотря на достаточно тёплую для декабря погоду, изрядно замёрзла. Из широких институтских дверей по гладким каменным ступеням сбегали и сходили молодые и красивые, модно одетые девушки и парни, степенные солидные преподаватели, о чём-то говорили, смеялись и расходились в разные стороны, каждый в свою жизнь...

Шурка уже поняла бесполезность своей поездки и невозможность встретить Степана, наедине поговорить с ним, да и боязнь столкнуться с его однокурсниками заставила её оставить свой пост и уехать обратно, в деревню. Она шла к вокзалу пешком, не торопясь, времени до отхода автобуса было слишком много. Слезы наворачивались на глаза от мыслей, как она могла, глупая, надеяться на взаимность этого чистого московского мальчика-студента. После его отъезда она думала и мечтала о встрече, а он за три месяца даже письма ей не написал. Размечталась!..

Шурка уже не могла сдерживать слёзы и плакала так, что люди оборачивались ей вслед. Плакала, сердясь на себя, на свою непутёвую жизнь – всё-то у неё не как у людей. Почему такое случилось именно с ней? Почему теперь она не может самостоятельно жить в таком городе, ничего не бояться, ни от кого не прятаться? Чем она хуже других?

Она и младший брат росли в хорошей состоятельной семье: отец был совхозным механизатором – мастером на все руки, работал на любой технике, сам мог отремонтировать, собрать и отладить совершенно бросовый, отслуживший свой век трактор. Мама работала медсестрой и была уважаемым человеком в деревне. Да и сама она долго была Шурочкой, любимой ученицей классного руководителя Валентины Степановны. Она хорошо училась, пела в школьном хоре, даже бывала солисткой-запевалой. Её знали активной комсомолкой и вожатой в младших классах школы, да и просто хорошей девчонкой. Её хватало на всё: и помочь по хозяйству родителям, и подготовить концерт к ноябрьским праздникам в школе, а после в совхозном клубе. Она была начитанной девочкой – в начальных классах любила книги Гайдара, Бианки, сказки Бажова, а позже полюбила Наташу Ростову, Андрея Болконского и Пьера Безухова из «Войны и мира».

Светленькая, мечтательная, с широко открытыми голубыми глазами, с робкими светлыми веснушками на вздёрнутом носике, с толстой косой ниже талии, она нравилась мальчишкам-ровесникам. Она мечтала поступить в медучилище или в зооветеринарный институт. И, наверное, так всё и было бы, если бы не полюбила Шурочка в десятом классе женатого агронома, год назад приехавшего с семьёй в совхоз и получившего здесь квартиру. Ему было двадцать девять лет, и разъезжал он, вернее, летал, красовался на вороном коне полями так лихо, что Шурочкино сердце было покорено.

Её безоглядная любовь – романтические девичьи бредни – породили совсем не счастье, но крушение надежд, жизненных принципов и житейских планов. Родители узнали обо всём слишком поздно, когда роман был в разгаре. Агроном не пожалел глупую девчонку, воспользовался наивностью и девичьей глупостью Шурочки. Когда он узнал о её беременности – валялся в ногах, умолял сделать аборт, не калечить жизнь себе и ему. Она послушалась и съездила в город.

Мать висела на руках у отца, умоляла и рыдала, когда тот с ружьём кинулся в дом обидчика его дочери. Соседи скрутили по рукам и ногам обезумевшего от горя отца. Мать несколько дней поила его успокоительными и снотворными таблетками, пока семья агронома не уехала из совхоза.

Шурочка болела и страдала душевно всё лето. Прозрачная, с провалившимися глазами, полными слёз, сидела она у окна, и планы о самоубийстве зрели в её отчаянной голове. О каком поступлении в институт было мечтать? Живой бы остаться! Не стала она Ассолью, не дождалась суженого на корабле с алыми парусами, не про неё это...

Осенью пошла работать дояркой, и закрутилась жизнь совсем не так, как хотелось и мечталось. И эта жизнь с ухмылками односельчан, с грубыми налёками парней о её прошлом, о теперешней вседозволенности, – а чего ей теперь терять? – породила защитную броню, готовность к словесной, граничащей с цинизмом грубой обороне, шокирующей посторонних, не желающих понимать истинных причин такого поведения девушки.

Жизнь идёт своим чередом, и человек вынужден жить со случившимся, отодвинув его подальше в глухие уголки памяти. Так и Шурка простила себя и его – своего обидчика, но обиду не забыла...

Шурка и сама не заметила, как её мысли приняли другой оборот, стал твёрже шаг, подсохли слёзы на щеках. И дальняя дорога пешком до автовокзала оказалась как нельзя кстати.

Да ведь сейчас самое время для неё уехать из деревни, поступить учиться, распрямить кривую линию жизни. Начать всё с чистого листа в городе, где её никто не знает и ничем не станет попрекать. И как ей раньше такое не приходило в голову?

Надо найти в городе работу, где предоставляется общежитие. Можно поехать в Тулу, Ярославль или Владимир... Ведь многие девчонки уехали из деревни, и ничего – не пропали. Конечно, за два года работы на ферме знаний в голове не прибавилось, но можно, работая, поступить в вечернюю школу и повторить знания за десятый класс. Можно поступить в техникум или в любой институт, где поменьше конкурс. Учиться она любит и умеет. Надо сменить имя Шурка – отсюда все её беды. Ну что это за имя для девушки – Шурка? Да с таким именем ничего хорошего в жизни ждать не приходится!

В городе она назовётся Алей, ведь это тоже Александра! Аля – Алечка... Со всем размечталась Шурка, но это были уже не глупые девичьи бредни, не «малиновщина», а правильный стратегический план на будущую жизнь. И от него Шурочка уже не отступит! Пришло время перемен, время исправлять ошибки...

Автобус остановился на трассе, не заезжая в родное Никольское. Густые зимние сумерки окутали землю, вдали светились и звали домой гостеприимные огни родной деревни. Шурка шла по прочищенной бульдозером центральной улице, прошла мимо клуба. Приклеенная, написанная от руки афиша оповещала, что сегодня кино «Свадьба в Малиновке». Клуб наверняка забит сельчанами – большими любителями этого фильма, но Шурка спокойно прошла мимо. Упавшая наискось звезда вызвала мимолётную досаду – эх, не успела загадать желание.

На стук открываемой калитки выбежала Дамка, чёрная с белой грудкой собака, любимица всей семьи. Она поднялась на задние лапы, вытянула шею и с любовью лизнула Шурку в щёку. Хотела в губы, да Шурка предусмотрительно увернулась от собачьего поцелуя. Дамка проводила её до крыльца, а дальше, оглядываясь, приглашала пойти в коровник к своей подруге детства корове Майке. Шурка оставила сумку на крыльце и охотно пошла за собакой. В тёплом низком коровнике, не глядя, щёлкнула выключателем, осветив лежащую на соломенной подстилке Майку. Корова шумно вздохнула и, тяжело скользя, гулко стуча копытами по деревянному настилу, поднялась, приветственно мыкнула, но хлеба в руках у хозяйки не почувствовала. Шурка обняла коровью голову, погладила курчавые жёсткие завитки и шершавые рога, заглянула в прекрасные чёрные глаза Майки.

– Мне бы такие глазоньки, – усмехнулась про себя.

Дамка и Майка были ровесницы-трёхлетки, и первый год жизни провели вместе в одной ограде, веселясь и играя в догонялки. Устав от беготни, они ложились отдыхать на тёплую пыльную землю, прислонясь друг к другу. Майка до сих пор осталась шалуней: возвращаясь вечером из стада, она всегда открывала калитку сама, откидывала рогом щеколду. Частенько в морозы Дамка просилась на ночь в тёплый коровник и оставалась там до утра. Сейчас Майка была стельная, скоро должна была отелиться. Собака попросилась на руки, чтобы дружески лизнуть свою рогатую подругу. Спустившись с рук, она легла под ноги корове, всем видом показывая, что сегодня она остаётся ночевать здесь.

Дома всё было как обычно: отец на диване напротив телевизора смотрел вечерние новости. Младший брат, пятиклассник Юрка, сидя здесь же за круглым столом, делал вид, что усиленно учит историю, а на самом деле читал о богатой событиями жизни мушкетёров. Мать накрывала стол к ужину. Коротко, по привычке, взглянув на вошедшую дочь, отметила про себя: съездила хорошо – лицо спокойное. Если расскажет о поездке – хорошо, а нет – спрашивать не стоит.

За ужином Шурка объявила, что после Нового года увольняется с фермы и начинает учиться, готовиться к поступлению, куда, пока не знает. Завтра пишет заявление на увольнение, отработывает две недели и садится за учебники.

Родители приняли решение дочери с радостью:

– Правильно, дочка, что здесь выжидать? Езжай в город, учись! Мы всегда тебя поддержим деньгами и продуктами.

Кстати, дома она всегда, во все времена была Шурочкой. Родители хорошо знали свою дочь, и моральное падение, случившееся с ней, называли досадной случайностью, нелепостью, нарушившей правильное течение её жизни.

В школу, в десятый класс, Шуру приняли, то есть разрешили неофициально посещать уроки. Валентина Степановна, бывший классный руководитель, сама договорилась с директором школы о новой ученице. И не было в классе более дисциплинированного и прилежного ученика, потому что Шура любила трудиться, и учёба теперь входила в её жизненные планы. В школе учителя, а вслед и учащиеся, звали её уважительно Александрой, и позорное имя «Шурка» как-то забылось и потерялось. Её потеряли в Никольском, так как Александра перестала ходить в клуб, отвергла ухаживания и приглашения бывших поклонников. Она сделалась домоседкой, и это было не нарочито, но естественно в этой новой её жизни. Всё её время делилось на школьные занятия, приготовление домашних заданий (надо учесть, что Шурочка готовилась по программе поступления в вуз) и помощь по дому. Туго пришлось брату Юрке, тут уж не смухлевать – старшая сестра ежедневно проверяла его уроки (а заодно и себя) и видела все его уловки насквозь. Оставшееся время Шурочка тратила на помощь матери в домашнем хозяйстве. Готовила ужин к приходу родителей, кормила кур и свинью, доила отелившуюся корову. Гоняла за водой, углём и дровами ленивого Юрку. Всё она делала с радостью, как бы отдавая долг за прошлое, за причинённые родителям моральные страдания.

Она не могла объяснить даже себе, что перед отъездом в город, в домашних трудах запоминает родительский дом, его жизненный уклад, моральный климат в семье. Смутно, пока не отдавая себе отчёта, она уже начала прощаться, запоминая родных и их привычки, всё то хорошее, что в скором будущем применит в своей семье. И самое главное, – в трудах и заботах о близких она очищалась, освобож-

далась от скверны и грязи прошлого. Ведь и «конь о четырёх ногах спотыкается», а что уж говорить о нас, людях... И быть может, это и есть одна из особенностей, одна из граней пресловутой загадочной русской души – вот так в великом терпении, в трудах и переосмыслении случившегося не озлобиться на судьбу и обидчика, не мстить, а простить всё и всех, подняться с колен и жить дальше.

Летом Шурочка без особых проблем сдала экзамены и поступила учиться в Московский железнодорожный институт на факультет экономики. Она легко приняла образ и стиль жизни московской студентки. С обновлёнными знаниями Александра (так её звали в институте) легко продолжила учёбу в престижном учебном заведении. Справедливость, честность и порядочность Александры скоро оценили товарищи, и к концу первого семестра её избрали старостой факультета. Оценили однокурсники и строгость её поведения: ни на кого из ребят Александра не обращала внимания и казалась всем недоступной, а парней на факультете было вполне достаточно. Всё свободное время тратилось на учёбу, вернее, свободного времени просто не было.

После второго курса Шурочка в летние каникулы, чтобы подработать, в очередной раз поехала проводником в скором поезде по маршруту «Москва – Ташкент». И однажды в её вагон вошёл бригадир поезда Константин Медведев – студент, в это время проходящий преддипломную практику. Шурочка и раньше встречала его в коридорах института и иногда на праздничных вечерах и, хотя тот учился на другом факультете и двумя курсами выше, как-то для себя его выделяла. Константин, проверив вагонную документацию, задержался в служебном купе, заговорив уже не на служебные темы. Вечером он снова пришёл, как он сказал, «на огонёк» – с конфетами к чаю. Что-то своё, родное почудилось Шурочке в простоватом лице Константина, в его крепкой коренастой фигуре. Его внешний облик и житейская основательность выдавали в нём крестьянское начало, хотя, как позже выяснилось, Константин был коренной сибиряк и потомственный железнодорожник. Дед всю жизнь проработал кочегаром на паровозе, отец – машинистом на локомотиве, вот и у него колебаний в выборе профессии не было – конечно, на железную дорогу. Отец ещё мальчишкой брал его в поездки и привил любовь к технике, понимание строгости и железной дисциплины – основы безаварийной работы на транспорте. «На железной дороге мелочей нет и случайных людей не должно быть!» – частенько назидательно повторял отец.

Константин вырос в патриархальной семье, где отец главенствовал, а мать уважалась не менее, где к деду почтительно обращались на «вы». Детей было трое: два брата и сестра. Семья жила в трёхкомнатной квартире в пригороде Новосибирска.

Обратную дорогу из Ташкента в Москву Константин и Шурочка ехали как хорошие друзья. В начале знакомства она, как когда-то мечталось, назвалась Алей, и теперь Костя называл её этим именем. Они купили много фруктов и овощей, и купе благоухало южными ароматами. Перебивали все вагонные запахи знаменитые ташкентские дыни-торпеды. На столике в служебном купе Александры теперь стояли свежие цветы.

Знакомство с Александрой для Константина было значимым. До этого случая он не имел серьёзного опыта общения с девушками, хотя был комсоргом на своём факультете и считался общительным парнем. Но Александра сразу запала парню в душу, согрела ожиданием и верой в неминуемое человеческое счастье.

Их встречи растянулись ещё на год. Константин на последнем курсе сделал предложение своей Але, которое было принято. В летние каникулы съездили к родителям Константина, где Шурочка-Аля познакомилась со свёкрами и была принята в дружную семью Медведевых. Чуть позже была ближняя поездка к родителям Шурочки, где будущий зять очаровал всех своей основательностью и доброжелательством. Юрка буквально прирос к новому родственнику, расспрашивая о железнодорожном транспорте и его развитию в ближайшее будущее.

На Новый год в общаге отыграли весёлую молодёжную, студенческую свадьбу. Этой же весной Константин защитился и получил красный диплом, а вместе с ним работу в Министерстве путей сообщения. Через полгода, как молодому специалисту, ему выделили однокомнатную квартиру в Москве. Александра ушла из общежития в квартиру мужа. Ей оставалось учиться полтора года. Защита диплома прошла с сыном Ромочкой на руках. И хотя её диплом был не красный, но и троек в нём не было. А ещё через год родился второй сын Иван. Спустя два года семья Медведевых улучшила жилищные условия, получив трёхкомнатную квартиру.

* * *

Последние дни перед празднованием юбилея Степан Григорьевич был неспокоен. И вроде бы спиртным запаса – удалось купить ящик водки. По нынешнему времени большая удача. Политика государства и средства массовой информации всё чаще вносили в жизнь сограждан идею «сухого закона». Да, Степан Григорьевич был со всеми доводами науки и медицины согласен, но вот к себе это нововведение никак не мог применить. Ну вот никак не мог себе представить жизнь без допинга: как ещё можно забыться от жизненных стрессов, горечи или переживаний, от неудач... Может быть, постепенно..., а вот так, сразу – нет, у него не получится.

Ящик водки, возможно, и многовато, но впереди Новый год – пригодится.

Вместе с тем, какое-то неясное беспокойство, недовольство окружающими и собой, томительное ожидание чего-то неизвестного, и это не только предстоящая грандиозная выпивка, которую чувствовал и желал его организм. Нет, что-то другое, неожиданное должно случиться, и оно, возможно, в чём-то изменит его жизнь. Только вот в лучшую или худшую сторону?

Юбилей состоялся в пятницу, вполне удачно. После обеда издательство закрыли, и все собрались в директорском свободном кабинете за просторным столом. Всего было вдоволь: бутылки с шампанским с серебряными головками горделиво возвышались над водкой и молдавскими винами. Накрытый стол, по русскому обычаю – скатертью-самобранкой, ломился пирогами, салатами, всевозможными мясными закусками и горячими блюдами из соседнего кафе. Сервировали стол секретарша Надежда Петровна и жена Вера, отпросившаяся на время из своего детсада. Говорили все красиво и много, Степан не очень вслушивался и не запоминал смысл праздничных речей и пожеланий. Засиделись допоздна. Позже коллеги на такси доставили виновника торжества домой и сгрузили прямёхонько на семейный диван. Они же привезли в ящике нетронутые бутылки спиртного.

Тяжёлое забытьё продолжалось несколько дней. Степан всё время спал, а просыпаясь, протянутой рукой находил на полу бутылку водки, пил и снова засыпал. В какие-то моменты просветления он видел приходящую на время Веру, поправляющую сползшую скатерть, прибирающую на столе, ставящую тарелку с

едой. Она проветривала комнату, поливала цветы, бросая встревоженные взгляды на мужа. Степан делал вид, что спит, и действительно засыпал.

Однажды ночью ему привиделся страшный, давно уже не повторявшийся сон: громадный чёрный конь со спутанной гривой навис над ним. Он видел сбитые, растрескавшиеся без подков копыта, и горячая пена падала из раскрытой огненной пасти на постель. Сверкающие глаза на чёрной морде коня искали его, Степана. Он сорвался с постели и, обезумев, кинулся к окну, одним рывком распахнув створки. Ворвавшийся холодный воздух остудил воспалённое лицо, но не остановил дальнейшее движение. Степан по пояс высунулся наружу, хотел выброситься, но увидел далеко в глубине сереющий снег и от ужаса закричал. И тут же в темноте, с вершин тополей, от его крика сорвалась потревоженная стая ночующих ворон и поднялась в воздух, перекрывая крик Степана металлическим скрежещущим граем. И весь этот шум вдруг отрезвил его, он захлопнул створки окна и кинулся на постель. Конь исчез.

Степан проснулся, когда уже было светло. Послеобеденное, жёлтое солнце приветливо заглядывало в комнату, и ему впервые после запоя захотелось поест горячего. Потом он зашёл в ванную, и, увидев себя в зеркало, заросшего седой щетиной, со всклокоченными волосами, ужаснулся. Слабыми руками Степан побрился и вымылся под душем, с наслаждением почистил зубы, и, вконец ослабший, но довольный собой, побрёл на свой диван и провалился в долгий целительный сон.

Ему опять приснился сон: Степанида, такая, какой он её видел в последний раз. Она стояла на расстоянии и не подходила ближе, как бы давая ему понять, что приближаться к ней не надо. Она была в том же бедном осеннем одеянии, грустная, болезненного вида, в руках держала потрёпанный молитвенник, подаренный ей когда-то странствующей монашкой. Из молитвенника закладкой свисала цепочка с нательным крестом. Она не улыбалась, и Степану даже показалось, что она сердита на него.

– Где ты была, мама? Ты же обещала вернуться за мной, я столько лет ждал тебя. Я и теперь жду тебя, ты мне так нужна, мне плохо без тебя.

– А я умерла, сынок. Ты, как ушёл в детдом, а я – в больницу, там и умерла вскоре, от пневмонии. Слишком поздно обратилась за помощью. Не спасли меня врачи. Но я всегда помнила о тебе и давно к тебе вернулась. Только ты невнимательный, не заметил моего возвращения. Там, на небесах, я молилась о тебе, Стёпушка, когда ты болел или когда у тебя были неприятности, и благодарила Бога, радовалась твоим успехам...

Степан проснулся, потрясённый увиденным сном. Вроде бы и не сон – видение, так явственно видел и слышал он свою мать. Он узнал её болезненное бледное лицо, тихий и спокойный голос. Её отсутствие все эти годы стало теперь окончательно понятным, хотя и раньше ему приходило в голову, что она умерла. Но как же понять её слова, что она уже пришла, что где-то рядом, а он не узнаёт её до сих пор?

И он опять уснул и проснулся в сумерках от тихих шагов по квартире и шёпота. В дверях он увидел свою Веру и выглядывающую из-за неё дочку Свету. Они с вниманием, ожиданием и недоверием смотрели на отца и ждали, что он скажет им.

Благостное ощущение выздоровления, радостное приятие божьего мира: всех и всего, и тем более своих родных, охватило Степана. Они увидели его опрятного,

с ласковым зовущим взглядом и, не сговариваясь, кинулись к нему с двух сторон. И он обнял их и горячо прижал к себе. Незнаемые до сих пор нежность, любовь и привязанность к своим родным вдруг охватили всё его существо.

– Замучил я вас! Простите меня Христа ради. Ну, это в последний раз!

Он посадил Светочку на колени и близко заглянул ей в глаза. И вдруг молния понимания недавних слов матери пронзила его существо – да ведь это она, Степанида, перед ним! Это она вернулась в его дом семь лет назад, а он не заметил. Это её серые глаза с редкими золотистыми крапинками, обрамлённые густыми чёрными ресницами, и эти светлые волосы, с рыжеватым отсветом ржаной соломы, – всё сохранилось в облике его дочери. Все эти черты её, Степаниды, напоминание о ней, – всё не случайно передалось её внучке. Как же он жил рядом и не замечал этого раньше?!

Его женщины не поняли мгновенную вспышку на лице отца и мужа. Но ничего, он потом им всё расскажет, всё-всё, и они поймут его.

– А сейчас – пойдёте ужинать! Надеюсь, что у нас найдётся, что поесть. Я такой голодный!

* * *

А позже была горбачёвская перестройка, распад СССР. Распад всего устоявшегося, мирного и надёжного: советской культуры, морали, врождённой целомудренности народа, совестливости, патриотизма. Распались, приобрели независимость, а вместе с ней нерешаемые проблемы многие бывшие социалистические республики. Стабильности не стало ни в одной самостоятельной республике. Голод, разруха, безработица, бандитизм и хаос воцарились на всём постсоветском пространстве. Начались войны на Кавказе.

Не избежала жизненных перемен и семья Лучниковых. Закрылось за ненадобностью книжное издательство, где Степан работал до последнего дня редактором. Здание со всеми пристройками приватизировали, и теперь здесь была типография, где печатались по заказу небольшими тиражами брошюры, каталоги, рекламные буклеты и проспекты, другая мелкая печатная продукция. Степан остался работать в типографии в должности завпроизводством. Приватизировался детсад, где работала Вера. Теперь в этом здании было кафе, играли свадьбы, отмечали дни рождения и проводились тризны по упокоившимся. Два года Вера получала пособие по безработице, но потом устроилась во вновь открывшийся коммерческий детсад воспитателем. Зарплату частенько задерживали, да и магазинные полки давно были пусты. Была внедрена талонная система распределения продуктов.

Света училась в четвёртом классе. В последнее время она вытянулась, стала худенькой, с длинной не очень толстой косой, – Степану она казалась красавицей. Дочка не любила свои кудрявые волосы и старалась их туго заплести в косу, но непослушные завитки предательски выбивались и лежали колечками на лбу и нежной шейке. Окружённая любовью и вниманием родителей, девочка особо и не почувствовала перемен в стране. Степан любил дочку самозабвенно. Сердечное умиление, нежность, вина за потерянные годы отцовского равнодушия к ребенку переполняли его душу. Любил так, что ему приходилось контролировать, сдерживать свои чувства и эмоции, как он про себя говорил: пора закрывать клапан любви.

Он пропустил столько времени, пока она была маленькой: не гулял с ней в парке, не водил в кино, не покупал кукол, шоколадок и мороженого, не носил на

плечах на праздничные демонстрации, как когда-то носил Степана отец. У него было тайное (постыдное, как он считал) желание побыть для неё лошадкой – встать на четвереньки и покатать Светку на спине. Она должна была стучать по его рёбрам пяточками, а он быстро бы двигался, и всё должно сопровождаться весёлым хохотом. А после дочка должна упасть на его спину и, ухватившись за шею, сползти на пол... Но для такой игры девочка, конечно, была уже слишком взрослой, он безвозвратно потерял время.

Частенько, получив зарплату и оплатив коммунальные расходы, Степан ездил в Москву за продуктами. Таких, как он, было много – весь московский пригород кормился в столичных магазинах. В разные стороны от Москвы шли забитые эшелоны, развозили нагруженные рюкзаки и сумки, благоухающие колбасными деликатесами.

Уже не однажды Степан замечал на Ярославском вокзале женщину, внешне очень похожую на Шурку. Это была немолодая (возможно, предпенсионного возраста) высокая, полная, статная женщина с гордо поднятой головой. К её простоватому лицу очень шёл железнодорожный тёмно-синий фирменный костюм. Прикрывавшая колени строгая прямая юбка открывала красивые полные ноги в туфлях на каблучках. Высокая, сложно уложенная причёска делала её ещё выше и стройнее. Она открывала своим ключом в зале ожидания кабинет с табличкой «Дежурный по вокзалу». По наблюдениям Степана, женщина мало походила на провинциалку-лимитчицу, – скорее всего, она была москвичкой. Но причём здесь Шурка? Впервые столкнувшись с ней в центральном проходе вокзала, Степан от неожиданности опешил, отшатнулся и быстро смешался с толпой прибывших пассажиров. Женщина прошла мимо, не обращая ни на кого внимания.

И ещё ему припомнился давний случай: будучи выпускниками филфака, Степан со своими однокурсницами гулял в парке им. Горького. Впереди было распределение на работу, и это гуляние становилось началом прощания с Москвой, с незабываемым временем учёбы в столице. Была прохладная весна, первая нежная зелень окутала деревья, цвела сирень. Запахи белой и фиолетовой сирени заполнили аллею парка. Он и девушки сидели на скамейке, лакомились мороженым, разговаривали и рассматривали проходящих мимо людей. Среди гуляющих обратила на себя внимание красиво одетая молодая пара с маленькими мальчиками-погодками на руках, младшему ещё не было года. Пара светилась счастьем. Женщина показалась знакомой, и Степан долго пытался вспомнить – кто это?

Теперь он знал точно – это была она, Шурка. Несмотря на столь долгий срок, Степан ничего не забыл и не простил себе произошедшее той осенью на уборке картофеля. Он во всём мучительно винил только себя. И теперь, в своём немолодом возрасте, ни при каких обстоятельствах, даже если бы она подошла к нему сама, Степан не смог бы с ней заговорить.

* * *

Чтобы хоть как-то облегчить продуктовую зависимость от магазинов и рынка, Лучинкины взяли земельный участок под дачу и много времени проводили за городом, сажая ягодные кустарники, яблони, обрабатывая грядки с овощами. На первое время Степан купил списанный строительный вагончик для отдыха и хранения огородного инвентаря. Выращенных на участке овощей хватало на

год. Для зимнего хранения урожая недалеко от дома Степан с помощью соседа вырыл погреб, где хранили картофель, свёклу и морковь. Так выживали в то время многие горожане.

Тяжёлое время перестройки – экономический беспредел, нестабильность во всём, жизнь на выживаемость, Лучниковы, не знающие и раньше особого достатка, пережили довольно спокойно, любя и поддерживая друг друга. Основная задача того времени, чтобы Светочка хорошо питалась и была здорова. Самая большая и неожиданная беда – развал Советского Союза, все экономические и политические последствия, неведомые раньше войны в бывших советских республиках. Аполитичный и раньше, Степан теперь редко смотрел телевизионные новостные передачи, не любил юмористические передачи с «пересмешниками», цель которых обогатить и высмеять бывшую советскую действительность.

В конце нынешнего лета Степану стал часто вспоминаться последний сон о матери. Длительная жизненная привычка анализировать приснившееся не давала ему покоя, не всё ясно было в том сне. Какое значение имел в руках матери молитвенник? Почему в него был заложен свисающий на цепочке нательный крестик?

И в какой-то момент пришло решение съездить в Н-ск, посетить детский дом, где Степан ребёнком прожил, в общем-то, недолгое время. Возможность увидеть Душечку тёплым сердечным трепетом наполняла его душу. В подарок ей Степан приготовил кашемировый мягкий платок, который купила Вера. Он был уверен, что найдёт больницу, где умерла Степанида, и постарается найти её могилу. И решил, не откладывая на потом, по теплу съездить в забытый город.

Ранним субботним утром, налегке, Степан выехал электричкой в Н-ск. Дорога заняла шесть часов. В вагоне он читал купленные на вокзале газеты, ел припасённые бутерброды с горячим чаем, смотрел в окно и, конечно, вспоминал. Все его мысли занимала Душечка. Он помнил её шестнадцатилетней девочкой и теперь боялся увидеть её немощную, беспомощную старость. По его подсчётам, ей должно быть за шестьдесят. Да и жива ли она вообще, при её-то заболевании?

Степан легко спрыгнул с подножки вагона и в прохладном типовом деревянном вокзале, крашенном коричневой краской, узнал адрес детского дома. В привокзальном киоске купил торт, а у старушки с тёмными пальцами, искривлёнными работой в земле, – яркий букет астр.

Он ехал на маршрутном автобусе в старый район города, близкий к окраине. Небольшой провинциальный российский городок, каких много в нашей стране: обновлённый пятиэтажками в центре, с обязательной площадью Ленина в центре и серым, современной архитектуры, со стеклянным фасадом административным зданием. А вокруг старые деревянные дома, сохраняющие свою неповторимость: любовно украшенные ажурной резьбой, крашенными наличниками, воротами и оградой. Вдалеке, над крышами возвышался голубой купол церкви с блестящим позолоченным крестом.

Близость осени чувствовалась в пожелтевшей и кое-где уже опавшей листве. В палисадниках цвели разноцветные астры, выбрасывались через штaketник радостные купы золотых шаров и зрели твёрдые оранжевые кисти рябин. Эта осень была богата урожаем яблок, и за оградой виднелись прогнувшиеся ветки, подпёртые с земли деревянными колыями.

Степан шёл по улице, не глядя на номера домов, и вдруг увидел свой детдом. Неровно забившееся сердце подсказало, что он пришёл к своей цели. Изменения

коснулись и этого окраинного района города – убрали дощатый щелястый тротуар, закатав освободившуюся живую землю жирным слоем асфальта. Крышу детдома недавно отремонтировали, покрыли шифером, но убрали мезонин, столб украшавший дом. Сохранилось крыльцо с деревянным резным навесом и резные оконные наличники. Широкие ворота окончательно потеряли накладные лучилепестки. Всё строение было подновлено свежими сине-голубыми красками. Где-то здесь на фасаде дома было окно комнаты его Душечки.

На крыльце Степан увидел кнопку электрического звонка и позвонил. Дом не откликнулся на зов, был глух и казался необитаем. Он с отчаяньем продолжал безуспешно звонить, не понимая тишины в доме. Степан уже собрался уходить, чтобы постучать в соседний дом, узнать, куда подевались их беспокойные соседи, как услышал, скорее почувствовал, шелест редких шагов.

– Иду-иду-уу, подождите, сейчас открою!

И скорее памятью души, неведомым подсознанием он услышал и узнал слабый голос Душечки. Она долго воевала со щеколдой и наконец открыла дверь. Перед Степаном стояла крошечная высохшая старушка в чистом длинном платье и переднике. Её тело было зажато огромными, как показалось Степану, уродливыми горбами-булыжниками. Голова, казалось, провалилась куда-то вовнутрь – шеи вроде бы и не было, и сипящий, задыхающийся голос с трудом вырывался из глубины вымученного тела. Головка Душечки была покрыта легкой цветной косынкой, а плечи покрыты толстой тёплой шалью. Она долго всматривалась в лицо Степана, и её тусклые серые глаза вдруг вспыхнули узнаванием, стали сияющими, наполненными слезами памяти и любви. Степан встал на колени, и Душечка обняла его за шею, и её тёплые слёзы покатались по его щекам. Степан так расчувствовался, что не мог говорить и только целовал сморщенные коричневые кисти рук старушки.

Потом они зашли в комнату Душечки и пили чай с тортом. Астры стояли в вазе на столе, и рядом лежал подаренный Степаном платок. Комната, оклеенная свежими светлыми обоями, с иконами на угловой полочке в красном углу – давнее прибежище и сердечная гордость владелицы. Убранство комнаты тоже несколько изменилось: появилась тумбочка со стоящей на ней электроплиткой, на окне – современные зелёные гардины и красивая белоснежная тюль в пол. Кровати застлана дорогим пледом. На столе, на кружевной салфетке, по-прежнему сидел вконец износившийся плюшевый мишка. Теперь он был одноглаз, и швы на его туловище были грубо стянуты чёрными нитками через край. Не изменился запах в комнате Душечки – всё тот же терпкий запах сандала.

У Степана были вопросы, но говорить Душечке было очень тяжело. Она задыхалась и часто подносила ко рту флакон, взбрызгивая в рот лекарство. И он просил её писать ответы на свои вопросы на листе бумаги или отвечать на них кратко: да – нет. Так от неё он узнал совершенно потрясающие сведения: оказывается, Душечка встречалась в больнице со Степанидой. Заведующая детдомом Клара Михайловна посылала её в больницу узнать непосредственно от матери сведения о вновь поступившем ребёнке, её сыне. Степанида сказала, что она с сыном тайно пробиралась к мужу, который был выслан на поселение. Только вот Душечка сразу не записала, а потом забыла название этого места. Мать была очень плоха и понимала это. Приступы удушья прерывали их тяжёлый разговор. Она молча плакала и просила Душечку не оставлять её сына. Жестами показала на

молитвенник, лежащий на тумбочке, с вложенным в него нательным крестом, и попросила передать его Степану. Душечка не сказала Степаниде о болезни сына, состояние его в то время было не столь опасно. Когда через два дня она прибежала в больницу, чтобы проведать Степаниду, ей сказали, что та уже умерла, и показали место захоронения.

Степаниду похоронили на участке для безродных покойников, не востребованных родственниками. Душечка поставила недорогой крест и в родительские дни ежегодно посещала и ухаживала за её могилой. Также она сказала, что давно ждёт Степана, чтобы передать ему молитвенник с крестиком и показать могилу матери. Слава Богу – дождалась, выполнила свой долг, и теперь может спокойно умереть, так как чувствует, что дни её сочтены. Последние годы Душечка работала кастаньяншей в детском доме, это всё же полегче для её возраста и по состоянию здоровья. Лет десять назад профком выделил ей отдельную однокомнатную квартиру, но она отказалась в пользу детдомовских выпускников-молодожёнов. Зачем ей отдельная квартира? У неё уже есть дом – своё убежище, в котором она прожила всю жизнь, дом, который стал её родиной, населённой родными ей людьми. А пусто сейчас в детдоме, потому что воспитанники в загородном летнем лагере на отдыхе, на днях приедут, скоро начнутся занятия в школе.

Степан заказал такси, и они с Душечкой поехали на кладбище, на могилу Степаниды. Старинное кладбище, ограждённое металлической оградой, с белым кирпичным храмом, купол которого виден всему городу, находилось на окраине города, возле заросшего ивняком пруда. Душечка быстро нашла могилу Степаниды. Могильный холмик с глубоко вкопанным, коротким деревянным крестом, без ограды, был аккуратно обложен травяным зелёным дёрном. Оказывается, когда крест подгнивал и падал, Душечка вкапывала его поглубже, и он становился короче. На кресте химическим карандашом была надпись: «Лучникова Степанида Григорьевна. Ноябрь, 1942 год».

Отвёз Душечку домой и распрощавшись, Степан тотчас же отправился на вокзал. С Душечкой он договорился, что приедет на следующий год, заменит крест и приведёт могилу матери в порядок. А через год в Н-ске Степан узнал, что Душечка в канун Рождества умерла и похоронена на городском кладбище. Свежий рыхлый холмик с простым деревянным крестом был отмечен табличкой. «Свиридова Евдокия Михайловна. 9.03.1925 – 6.01.1991 гг.». На могиле лежал перезимовавший поблёкший венок, перевитый чёрной лентой с надписью: «Дорогой Евдокии Михайловне от любящих сотрудинок и воспитанников детдома».

На это кладбище Степан будет приезжать каждый год, он полюбит и привяжется к тихому городку, где похоронены его родные люди, близость которых он долгое время ощущал и надеялся на встречу с ними. Они, любящие Степана, неожиданно встретились при сложных жизненных обстоятельствах и теперь упокоились на одном кладбище, в одной земле. Он будет приезжать ранней весной со Светой и рассказывать ей о своём детстве, о бабушке Степаниде, на которую она так похожа, о любимой им Душечке. Он не мог словами объяснить дочери свою душевную привязанность: ведь это не просто случайная няня, а редкое явление бескорыстной божьей любви, служения слабым и нуждающимся в заботе. Наверное, она была небесным явлением – осязаемым ангелом, посланным с небес в помощь страждущим и падшим духом на земле.

Со временем Степан обиходил дорогие могилы: обновил могильные кресты, сделал ограды и поставил скамеечки. Вера посадила в ограде фиолетовые ирисы и ландыши, и они прижились. Приезжая, Степан стал замечать оставленные в баночке цветы, свежий бумажный венок на кресте, прополотые от сорняков цветы, из чего можно было понять, что могилу Душечки постоянно посещают.

С возрастом привязанность к родным могилам усилилась, что даже стало беспокоить Веру. Выйдя на пенсию, Степан стал часто ездить в Н-ск не только на родительский день и 28 августа – в день Успения Пресвятой Богородицы, но и по возникшему желанию. Он брал с собой молитвенник Степаниды и читал его там вслух. Тихий провинциальный российский городок, погост с родными могилами, колокольный звон, плывущий в поднебесье, призывающий паству на вечернюю службу, белобородый батюшка Паисий в храме... – всё вызывало в нём покой и душевное умиротворение. К сожалению, на литургию ему не удавалось остаться, так как приезжал поздно и уезжал до начала вечерней службы.

* * *

В 2005 году Степану исполнилось 70 лет. Худощавый, совершенно седой, благородной внешности, он несколько ссутулился, и плечи стали уже. Потускневшие глаза из-под седых клочковатых бровей угасли и уже не притягивали взгляды женщин. Поредевшие и отросшие волосы лёгкой волной выбивались из-под берета. Вышла на пенсию Вера.

Светлане в этом году исполнилось 30 лет. К этому возрасту у неё как бы определилась судьба: закончила московский пединститут, факультет иностранных языков, и теперь преподавала английский в московском педколледже. Яркая, сероглазая красавица, она долго отвергала ухаживания парней, слыла холодной и недоступной, чем ещё больше подогревала интерес к себе. На самом деле всё было гораздо проще – единственная, обожаемая родителями, не знающая ни в чём отказа, Светлана просто не нуждалась ни в чьей любви. Будучи студенткой, она скучала по родителям и часто приезжала домой, благо езды на электричке полтора часа. Приезжала всегда с московскими гостинцами: то привезёт какой-то заморский сыр с плесенью, то сырокопчёную колбасу, то матери – польскую блузку, а отцу – мягчайший пушистый шарф.

«Светлячок наш приехал!» – радостно на пороге приветствовал дочь Степан. А в душе, для себя добавлял: свет моей души приехал... И в доме действительно становилось светлее, радостнее, пахло нежными девичьими духами, молодостью, суетились родители, и сами становились моложе.

Светлана долго скрывала от родителей, что встречается со своим однокурсником Андреем. Возможно, не считала отношения с ним серьёзными и не планировала пока выходить замуж. А может быть, интуицией понимала, что родителям может не понравиться, что он этнический немец, хотя что тут особенного – все мы бывшие советские, одного замеса. Они приезжали вместе несколько раз, и Андрей легко нашёл общий язык с её родителями: был прост, внимателен и предупредителен. Светлана, наоборот, стеснялась и была как бы гостьей, наблюдала за происходящим со стороны и алела румянцем. А потом они приехали с родителями Андрея, и, хотя не было произнесено слово «сватовство», значение приезда было именно таковым.

Родители Андрея были моложе и состоятельнее Лучниковых – они владели строительным бизнесом. Не по возрасту полные, можно сказать, солидные, уве-

ренные в себе, они своим поведением, не стесняясь, выказывали материальное превосходство, ещё бы: квартира в центре Москвы и загородный дом на Рублёвке, не говоря уже о машинах – у каждого своя иномарка. Между делом было сказано, что после свадьбы молодые займут их квартиру в Москве, а сами они, «по-стариковски», переедут жить на Рублёвку.

Через год родился первенец Ярослав. Молодая семья разрывалась между «дедами», позволяя поочерёдно нянчить первого внука, не обижая никого. Через два года родители Андрея уехали в Германию, в Мюнхен, и, обосновавшись на новом месте, стали готовить семью сына к переезду. Спустя три года молодая семья покинула Россию.

Степан и Вера, каждый по-своему, тяжело переживали отъезд единственной дочери и внука. Вера старалась забыть работу на даче, оставаясь ночевать в недавно построенном небольшом кирпичном доме. Дом строили с надеждой, что будет приезжать семья дочери, и маленького Ярика будут кормить овощами с грядки и первой свежей ягодой. Однако вот как всё повернулось... Им, вдвоём, теперь так мало надо. В принципе, всё можно купить на рынке. В этой ситуации Вере, более общительной, было полегче – у неё давно сложились дружеские отношения с соседками, и это морально помогало пережить случившееся.

Степан так и не смог для себя принять отъезд дочери из России. Почти ежедневное общение через скайп, где он видел счастливую дочь и весёлого подрастающего внука, был в курсе всех событий в семье дочери, – не радовало его, а даже, как он заметил за собой, – раздражало.

Как она могла покинуть Родину, Москву, на что сменяла? На баварские сосиски? Чем ей и Андрею плохо жилось в России? Такие мысли часто посещали и мучили Степана. Он не делился ими с Верой, зная, что мыслит примитивно и уязвим в своих убеждениях, в основе которых заложен его эгоизм. Он видел и понимал, что дочери в Германии хорошо, что знание языка даёт ей и мужу возможность хорошо зарабатывать и путешествовать по Европе.

Но ему-то плохо, его-то жизнь потеряла всякий смысл...

Вера с тревогой наблюдала за состоянием мужа, всё очень напоминало их первые годы жизни. Степан стал молчаливым и полюбил уединение. Он объявил комнату дочери своим кабинетом и всё свободное время проводил там за книгами и компьютером. В комнате всё оставалось прежним: письменный стол у окна, справа книжная полка с сочинениями Тургенева, Толстого, Бунина. Её девичьи шкатулки с заколками, дешёвыми колечками и серёжками, флакончик духов на столе и халатик, оставленный на спинке стула. Казалось, что она сейчас войдёт и скажет: «Да вы что придумали, куда я не собираюсь ехать, мне и с вами хорошо!»

За зиму Степан привёл записи в амбарной книге в порядок, перепечатал на компьютере и отредактировал текст. И теперь рукопись была готова к изданию. Возникли три вопроса: нужна ли книга вообще, найдёт ли своего читателя и где взять деньги на её издание?

Иногда дома Степану становилось невыносимо тоскливо, слабое сердце билось с перебоями, и он шёл тогда «на люди» – в парк, посидеть на скамейке, где когда-то познакомился с Верой.

Была осень, начало октября. Усталое солнце время от времени прикрывалось редкими тучами. Фонтан уже заснул в зиму, опав водяными струями в землю,

и круглая площадка вокруг него засыпалась в причудливой мозаике янтарными липовыми листьями. Сквозь прохладные солнечные лучи вдруг пошёл тёплый редкий дождь, и Степан спрятался под зонт. Выглянув из-под зонта, увидел вдали едва различимую размытую радугу. Последняя в этом году, – подумалось про себя. Идти домой не хотелось. Бесконечный диалог (вызванный отъездом дочери в Германию) о единственности и незаменимости Родины, о преданности Отчизне, спор с неведомым оппонентом, которым в последнее время Степан мучил себя лишая душевного покоя. Свои убеждения Степан подкреплял выписываемыми высказываниями известных людей. Он достал из кармана куртки записную книжку и с удовольствием прочитал последнюю запись:

«Я далеко не восторгаюсь всем, что я вижу вокруг себя, ... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». А. С. Пушкин.

Эта последняя цитата, пожалуй, ставила точку в уже поднадоевшем споре, и пора успокоиться, хватит бередить уставшее сердце.

Утром Степан проснулся в тревожном состоянии. Наскоро позавтракав, решил ехать в Н-ск, убедив Веру и себя, что это последняя поездка в году. В вагоне, благо ехать шесть часов, Степан размышлял о себе и своей жизни, и пришёл к не очень хорошим выводам. Он впервые заметил свою слабую психику, часто повторяющиеся депрессии, зависимость от умершей матери и даже её памяти. Любя Веру, он почему-то не сделал её счастливой, а ведь времени было предостаточно. Он пользовался её любовью, душевным теплом и семейным домашним уютом, созданным ею, не давая взамен покоя, взаимопонимания с одного взгляда и возрастной привязанности.

Мысленно он сопоставил себя, свою жизнь, со вчерашней радугой: он – всего лишь жалкая капля дождя, превращающаяся в лучах вечного солнца, по воле Всевышнего, в чудесное природное явление – радугу. А ведь без солнца он ничто: упадёт на землю – и нет его, никто и не заметит, что был. Почему у него нет друзей? Только в школе-интернате был единственный друг Лёша Кормишин, только ему он доверял душевные мечты и жизненные планы, да теперь и с ним потеряны дружеские связи.

Однако к своим семидесяти пяти годам у него есть Вера (имя-то какое!) и любимая дочь Светочка – тоже неплохо, не каждый может похвалиться и порадоваться таким нажитым багажом. И всё же, видимо, в основе всех его проблем – безотцовщина, не было рядом примера мужского достойного поведения в жизни, да и в семье тоже. Всё избегал, старался не показывать свою любовь и нежность к своим девочкам, где-то внутренне, не отдавая себе отчёта, стеснялся этого чувства, считал мужской слабостью. Обделил теплом и семейным счастьем самых родных и близких ему людей.

Мучительная тоска и кажущая безысходность заставили его достать молитвенник и читать, прося у Бога защиту и душевный покой.

Городок встретил унылой пасмурной погодой. Осень чувствовалась во всём: на днях прошедший ливень заполнил колеи окраинных дорог, вымочил засыпанные листьями тропинки перед домами. Золотые шары вывешивались через ограды грязными неряшливыми комками, а в некоторых домах уже были вырезаны под корень. По-прежнему в палисадниках алены гроздья рябины и калины в багряной и жёлтой листве. Белые и фиолетовые кустики цветов-сен-

тыбринок храбро сопротивлялись утренним заморозкам и осенним порывам ветров и дождей.

Степан дошёл до детского дома, постоял у крыльца, восстанавливая в памяти последнее видение матери – её размывчатый силуэт в конце улицы и прощальный печальный уход. Вернувшись на кладбище, он пробыл на родных могилах часа два. Мысленно рассказал о последних событиях своей жизни, посетовал об отъезде в Германию семьи дочери. Читал молитвенник. Но покой не приходил, напротив в какой-то момент он стал завидовать ушедшим в иной мир. Упокоенные – обретшие покой, в котором он сейчас так нуждается, и в голову полезли мысли, как избавиться от земных страданий. И Степан содрогнулся от таких мыслей и бросился за защитой в храм.

Как всегда в это время, храм был пуст. Чисто вымытые полы были ещё влажны. Навстречу Степану шёл в чёрной рясе отец Паисий, держа в руках большой навесной замок, чтобы закрыть церковь. Степан в душевном смятении кинулся ему в ноги, умоляя о спасении. Опешивший священник поднял его на ноги: «Что ты, что ты, это не ко мне – вон туда иди», – показал он на большой кипарисовый крест с изображением распятого Христа. И Степан упал перед распятием, плача и повторяя: «Господи, прости и помилуй!» Все остальные слова выпали из помрачённого сознания. Отец Паисий в это время молился за амвоном.

Они вышли из церкви вместе. Отец Паисий спросил, сможет ли он остаться у него хотя бы до утра. И Степан созвонился по сотовой связи с Верой и попросил её не беспокоиться, так как он остаётся у батюшки Паисия в гостях до завтра.

Сторожка батюшки находилась в церковной ограде и состояла из небольшой комнаты-кельки с одним окошком и крохотной кухни с газовой плитой. Угловой иконостас с горящей лампадой, стол, накрытый кружевной скатертью, со стопкой церковных книг в кожаных переплётках с шёлковыми закладками, узкая кровать, застланная покрывалом, – всё нужное для духовной жизни старца. Они проговорили до утра. Степан исповедовался, рассказал о своей жизни. Это был длинный рассказ, и после него пришло успокоение. Отец Паисий несколько раз заваривал чай и приносил на блюде печенье. Он слушал, не перебивая, иногда спрашивая, но в основном отвечал на вопросы Степана.

Временным семейным кризисом, который нужно пережить, найти согласие, прежде всего с самим собой, и жить в любви дальше, – так назвал батюшка теперешнее душевное состояние Степана. Бесовское наваждение уйдёт из жизни молитвами, наступит покой и умиротворение. Ну а грусть и печаль – дело возрастное, прошло время веселиться – теперь время осмысления прожитого, и это нормально.

На утренней службе Степан причастился и с подаренной отцом Паисеем Библией пошёл на вокзал. В тёплом вагоне, под неспешный перестук колёс, после бессонной ночи Степан придремал.

– А ведь скоро Покров Пресвятой Богородицы, – откуда-то пришло в голову, – хорошо бы успеть повенчаться с Верой.